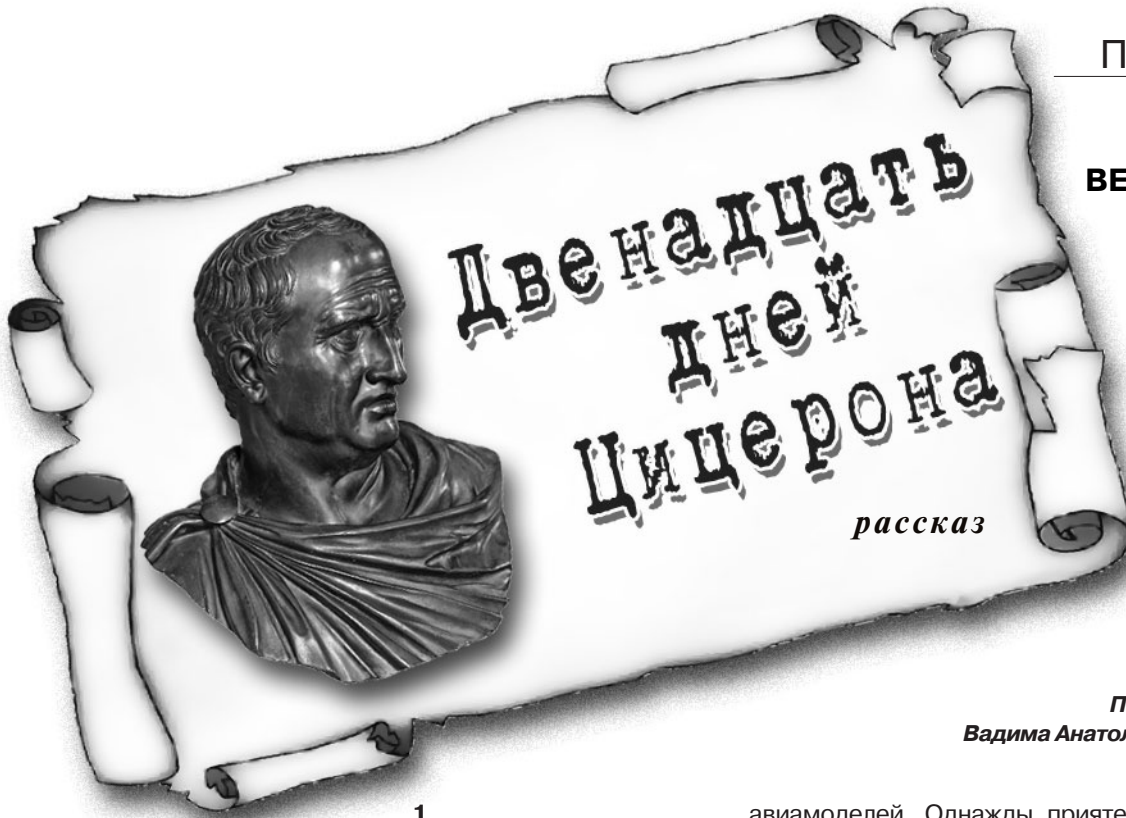

**Валерий
ВЕРХОГЛЯДОВ**

г. Петрозаводск

рассказ

Памяти моего друга

Вадима Анатольевича Кузнецова

1

Мой друг Вадик романтик и фантазер.

«Я зашел в избу, – пишет он, – пошарил по стене, нашел выключатель, поцелкал – света не было, и тогда я достал из-за пазухи заветное перо жар-птицы, воткнул его в зачерствевший батон и при муаровом переливающемся свете стал читать заветную книгу».

Тот, кто подумает, что это была Библия или, к примеру, сказки Афанасьева, ошибется. Вадик постоянно перечитывает лишь «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. Это так же неизбежно, как «Ирония судьбы» под Новый год.

Наша дружба родилась много лет назад.

Мы с ним совершенно разные, но есть и нечто объединяющее – это книги, любовь к изобразительному искусству и отношению с женщинами, точнее сказать, полное отсутствие каких-либо отношений с женщинами.

Эдаких два современных анахорета, хоть и не в пустыне живем – Вадик в Питере, я в Петрозаводске.

Я не знаю, почему так случилось у моего друга, но зато точно знаю, почему так произошло у меня.

Класса так примерно до пятого я девчонок, как и положено, не замечал, был занят сугубо мужскими делами – войнушками, лазаньем по сараям и подвалам, а в более осмысленном возрасте сборкой

авиамodelей. Однажды приятели меня сманили посмотреть на голых женщин. Мы пошли к бане номер два, что на улице Промышленной, забрались на пожарную лестницу и стали по очереди заглядывать в мутноватое окно. Увиденная картина меня не взволновала – между лавочек ходили с тазами толстые тетki с отвисшими титьками и сосульками мокрых волос. Такие же толстые тетki, но уже намыленные, сидели и на бетонных лавках.

К седьмому классу я заметил, что мир состоит не только из воинов и умелых авиаконструкторов. А заметив это, стал встречаться с девочкой Ритой. Она была полненькая, но не такая, как разъевшиеся на сладком, а плотно сбитая, Бабель бы сказал, как мешочек с солью – не ущипнуть. Уже тогда у нее пленительно торчали маленькие крепкие груди. С Риткой мы ходили в кино, обсуждали прочитанные книги и пили чай то у нас, то с ее мамой. Наши матери, к слову сказать, обе были разведенки, и может, поэтому моя относилась к Ритке спокойно и, как мне казалось, несколько настроенно, а Риткина видела во мне мужчину и явно недолго любила.

Через год Ритка вытянулась, постройнела, а я так и остался тощим низкорослым пацаном. На школьных вечерах меня даже на белый танец никто не приглашал. В конце концов это достало и я записался в секцию тяжелой атлетики. Под присмотром милейшего Степана Петровича занимался силовой гимнастикой и через какое-то время был допущен до штанги. Окреп, плечи стали не то

чтобы квадратными, но заметными, однако в росте почти не прибавил.

Ритка меня бросила и стала встречаться с рыжеватым десятиклассником, который в школьном оркестре играл на трубе.

Это была катастрофа.

Я только с ней мог болтать на любые темы, словно тормоза отпуская. В обычной же жизни был скован и стеснителен до глупости. Бывало, вызовут к доске, я и урок знаю, но рассказать, когда на тебя все смотрят, не могу, мямлю нечто невразумительное и в конце концов получаю заслуженный «тройбан». В компании же девочек вообще молчал как пень.

Очень я тогда на Ритку обиделся. Ну и ладно, подумал, пусть твой кавалер тебе на свиданиях в свою дудку дует, а я стану сильно умным.

Штангу не бросил, но стал много читать. Появились любимые писатели – Гончаров, Бунин, Куприн, Алексей Толстой, Паустовский, Грин... Их я читал не отдельными книжками, а собраниями сочинений. В общем, свободного времени у меня тогда было немного, можно сказать, что его вообще не было.

К окончанию школы Ритка дивно похорошела. Она на глазах превращалась в женщину, мимоходом минуя период девичества.

Спустя несколько лет мне довелось увидеть картину Генриха Семирадского «Фрина на празднике Посейдона в Элевзине». Я в душе так и ахнул – это было лицо Ритки. О фигуре ничего не скажу – голый мне ее видеть не довелось.

У меня же ко времени получения аттестата зрелости обозначилось новое несчастье – начал лысеть. Добро бы на висках или выше лба – от дам или дум, но нет, у меня начали редеть волосы на макушке, и вот-вот должна была обозначиться аккуратная тонзура, как у католического монаха, хотя ни от каких мирских интересов я отречься не собирался. Пришлось постричься налысо, что отнюдь не прибавило мне привлекательности.

После школы Ритка поступила в университет, а меня мать устроила по знакомству в комбинат бытового обслуживания, где я довольно быстро овладел приемами студийной фотосъемки.

В стране между тем творилось нечто непонятное. То мы дружно шагали из развитого социализма к его еще более прогрессивной формации, название которой в этом завораживающем шагании еще не успели придумать, то, как в омут, сиганули с головой в жернова капитализма – и все это во славу процветающей демократии.

КБО наш, явно не вписывающийся в рамки мирового прогресса, вскоре разогнали. Я устроился на работу охранником в одну из контор на улице Федосовой, чтобы подкопить денег, купить

приличную камеру и стать свадебным фотографом – при любом строе и любом раскладе эти ребята всегда неплохо зарабатывают. Да и сама работа у них явно не пыльная.

«Мечты, мечты, где ваша сладость? Где ты, где ты, ночная радость? Исчезнул он, веселый сон, и одинокий во тьме глубокой я пробужден...»

Когда у меня появилась профессиональная камера с двумя сменными объективами, дорогая фотовспышка, дома на столе стоял навороченный компьютер и даже имелся специальный фоторюкзак, в гильдию свадебных фотографов было уже не пробиться. Законы там волчи и прилудную дворняжку без родословной попросту загрызут.

Словом, я все так же в сторожах. У меня два сменщика, а свободного времени – вагон и маленькая тележка.

Насчет утех с дамским полом все так же бесперспективно.

Не пора ли научиться складно говорить, – подумал я. – Ведь не дурак же, по сегодняшним меркам даже умный.

И вот хожу в Национальную библиотеку и там в общем зале за длинным столом читаю Цицерона.

2

«На площади Мессаны {теперь Мессина в Сицилии} секли розгами римского гражданина; но среди страданий и свиста розог не было слышно ни единого стога, ни единого слова этого несчастного, кроме лишь слов: «Я римский гражданин!»

{По римскому праву запрещалось наказывать гражданина без суда.} Этим заявлением о своем гражданстве он думал избавиться от всех ударов и от всех мучений; но он не только не добился того, чтобы умерилась сила розог, – нет, в то время как он умолял и все чаще и чаще указывал на свое гражданство, готовили крест, – да, крест для несчастного и замученного человека, который раньше и не видел никогда этого поганого орудия».

Марк Туллий Цицерон.

«Ораторское описание казни римского гражданина».

Декабрь выдался бесснежным. Опавшие листья мело по тротуарам, и они хрустели под ногами как новенькие сторублевки. Хотя кто знает, как хрустят сторублевки? Мне их топтать не доводилось. Но звучит красиво.

Под Новый год ударили морозы. Столбик термометра опустился до минус двадцати пяти и там завис. В канун Рождества город завалило снегом. Движение на улицах встало. Снегоуборочная техника по обыкновению оказалась к работе не готова. Сколько себя помню, всегда одно и то же: каждую

зиму городские власти искренне удивляются – надо же, снег выпал, и немедленно создают оперативный штаб по борьбе с неуправляемой стихией.

Дворники на работу не вышли, ждали, когда все само собой образуется. Владельцы магазинов заставили продавцов взяться за лопаты. Взялись. А куда деться? Ведь выручка упадет. И только Маргарита, увядающая блондинка из фирменного заведения «Алко», проигнорировала указание руководства: больно нужно, решила она, ко мне и так протопчут народную тропу. И действительно протоптали.

Весь день я провел дома. Валялся на диване, читал «Марсианина» Энди Уира. На обед сварил гречневую кашу. Она сытная и благотворно влияет на нервную систему. Вероятно, потому, что содержит много железа. По моим подсчетам, уже вторую кочергу доедаю.

Где-то читал, что когда на юг, где Хрущёв проводил свой законный отпуск, прилетел Микоян, то Никита Сергеевич при встрече как раз ел гречневую кашу со шкварками. Микоян немного помялся, но все-таки сообщил, что принято решение собрать пленум, на котором Хрущева будут снимать с должности. Да ты не волнуйся так, Анастас, сказал глава государства и первый секретарь ЦК КПСС, поешь каши – вкусная.

Под вечер я собрался на работу. Дежурство по обыкновению предполагалось спокойное, и я захватил ноутбук, чтобы в ночной тиши побродить по просторам Интернета. Именно там, в тенетах мировой паутины, обнаружил таблицу с ценой на бензин АИ-95 в различных странах, экспортирующих нефть (все было любезно пересчитано на нашу отечественную валюту).

Венесуэла – 47 копеек за литр, Туркменистан – 68 копеек, Иран – 2 рубля 39 копеек, Катар – 6 рублей 41 копейка, Кувейт – 7 рублей 21 копейка, Бахрейн – 8 рублей 2 копейки, такая же цена и в Ливии, Египет – 9 рублей 22 копейки, Объединенные Арабские Эмираты – 10 рублей 82 копейки, Азербайджан – 13 рублей 63 копейки, Казахстан – 21 рубль 2 копейки, Россия – 30 рублей 53 копейки и предполагается поднять цену до 50 рублей.

Как хорошо, что до сих пор не обзавелся машиной, порадовался я.

Как поется в известной песне: «если у вас нету теги, то вам ее не потерять». Доходчиво и мудро.

Не этим ли замечательным правилом руководствуется мой друг в своих отношениях с женщинами?

Как-то приезжаю в Питер и встречаю в его берлоге прелестное молодое существо, которое представилось Илоной. Мне почему-то показало-

лось, что это имя она сама себе придумала, а от рождения и по жизни ее звали как-то попроще.

Илону (пусть будет так) мой друг подхватил на Московском вокзале, где в почтовом отделении С-86 получал корреспонденцию до востребования.

Неподалеку от входной двери два молоденьких милиционера прессовали девушку, требовали предъявить документы. Она от них слабо отбивалась.

Привокзальную милицию, нередко занимающуюся незаконными поборами, у нас никто не любит, и мой друг решил выручить девушку.

– Так вот ты где, – сказал Вадик, подходя ближе. – Я уже весь вокзал обежал. Сестренка моя, – объяснил он милиционерам. – Только недавно приехала. Не освоилась еще в Питере. Какие документы? Ей же шестнадцати нет. А мой паспорт – пожалуйста.

– Меня Илоной зовут, – сказала девица, когда они вышли на Невский. – Кстати, мне восемнадцать. Хотела на вокзале переночевать, подремать где-нибудь на лавочке, да милиция прицепилась.

– Пошли ко мне, – предложил мой друг.

– Пошли.

По дороге Илона рассказала, что приехала учиться на артистку, но не прошла по конкурсу, а возвращаться домой не хочется – там такая тоска, такая глушь, что и словами не высказать.

Вадик тогда еще удивился – какие приемные экзамены в ноябре? Но, может, она уже не первый месяц по вокзалам мотается, и спрашивать ни о чем не стал.

В то время мой друг жил в коммуналке на Халтурина. Располагалась она на первом этаже мрачного пятиэтажного дома. Длинный-длинный коридор упирался в туалет. Одна стена его была глухой, а на второй имелись двери, много дверей, не меньше десятка. У нас в городе одно время тоже имелось такое жилье, но не каменное, как в Питере, а деревянное, с дверями по обе стороны проходного коридора, в народе их называли «гадюжниками». Комната моего друга была первой от входа, наверное по замыслу там планировалась дворницкая. Сразу же за ней располагалась обширная кухня. Никого из соседей Вадик не знал и знакомства заводить не собирался.

Когда я приехал, Илона жила у моего друга уже пятый день.

Отъедалась, отсыпалась и покидать это случайно подвернувшееся пристанище пока не собиралась.

– Какие планы на день? – спросил Вадик.

– Заглянуть по традиции в Русский музей, окунуться в пекло искусства, а потом прогуляться по фотوماгазинам.

– Годится. Пойдешь с нами? – спросил он Илону.
– Не. Я лучше дома посижу. Купи мне по пути сигарет.

Спрашивать друга я ни о чем не стал. Захочет – сам расскажет.

Вечером состоялось большое чаепитие с деликатесами из «Восточных сладостей».

Поскольку у Вадика имелись всего две раскладушки, то он как гостеприимный хозяин спал на полу.

На следующий день он показал мне несколько заветных книжных магазинов, в одном из которых, как сейчас помню, я приобрел первый том сочинений Френсиса Бэкона, а зачем, не знаю – до сих пор еще не прочитал. «Вечерней лошады» я уехал.

В следующий раз я навестил своего друга уже весной, месяцев через пять.

Спросил:

– Где же Илона? Где это прелестное курящее создание?

– Не знаю, – пожал плечами Вадик. – Исчезла, прихватив на память мой маленький телевизор.

– А картины? – встревожился я.

Вадик давно и, на мой взгляд, профессионально пишет маслом. Он даже во все наши путешествия берет этюдник, так что большую часть продуктов приходится нести мне.

– Все на месте. Вероятно, сочла их малоценными.

– Не искал ее?

– Во-первых, где? А во-вторых – зачем? Никогда не буду строиться по указке женщины – в этом есть нечто унижительное. Ты знаешь, у нас ведь с ней ничего не было.

– Потому она от тебя и сбежала.

Больше мы Илону не вспоминали.

Со следующей пассией Вадика мне довелось познакомиться на следующий год.

Я приехал к нему в конце октября.

Лето мы провели бездарно: он – на своей службе, я – на своей, и Вадик предложил совершить небольшое путешествие хотя бы в Приозерск.

– Побродим там, чайку кострового поьем, снимаем на слайды золото осени.

– Золото давно стекло на землю.

– В сереньких, а лучше сказать, жемчужных днях тоже есть своя прелесть. Вспомни полотна Левитана.

– Как говорит мой сменщик, уговорил, черт красноречивый.

– Вот и хорошо, – сказал Вадик. – Не против, если с нами поедет одна молодая женщина?

Я не возражал.

– Вот и отлично. Съезжу, позову ее. (Мобильных телефонов тогда еще не было.)

Утром следующего дня мы ждали на вокзале эту самую женщину. Наша электричка ушла – она так и не появилась. В общественном транспорте с двумя пересадками мы поехали куда-то на Петроградскую сторону, долго звонили в один из шести, а может, и восьми звонков, составлявших живописный ряд вдоль входной двери. Нам открыла какая-то угрюмая бабища и, не сказав ни слова, тут же ушла.

Дверь в комнату знакомой Вадика, как оказалось, ее звали Люся, на наш стук тоже долго не открывали.

Наконец послышалось:

– Да иду я, иду. Кого там черти принесли?

Как оказалось, Люся элементарно проспала.

Потом мы сидели на общей кухне, а она подкрашивалась, подмазывалась и вообще, что называется, приводила себя в порядок.

– Намекни ей, чтобы сходила в туалет, – сказал я Вадиду, – а то будут очередные проблемы.

Он лишь сердито засопел носом.

Мы долго добирались до вокзала, долго ждали электричку, долго ехали... Световой день был безвозвратно потерян. Палатку ставили в сумерках. Из всей программы был выполнен только один пункт: «костровой чай».

У нас было два спальника. Один, захваченный мною на всякий случай из Петрозаводска, я же его и получил. Под вторым, разложив его одеялом, легли Люся и Вадик. Для тепла спали они попартизански, прижавшись друг к другу спинами. Да и спали ли? Сквозь дрему я слышал, что они постоянно ворочаются. Молча.

Вадик разбудил меня, когда серенький рассвет только зарождался.

– Давай собираться, нужно успеть на первую электричку.

– К чему такая спешка? Я думал, что поохотимся за слайдами.

Он промолчал.

А Люся и тогда, и после, в дороге, не проронила ни слова и лишь когда вернулись в город, обронила жемчужное слово:

– Если соберетесь на Канары, можете позвать. Провожать меня не нужно.

Больше я Люсю не видел, и в разговорах ее имя ни разу не всплыло.

Так что всего двумя женщинами на протяжении многих лет заинтересовался мой друг.

Вот такая арифметика.

3

«Когда ж, наконец, перестанешь ты, Катилина, злоупотреблять нашим терпением?! Где предел необузданных дерзостей твоих выступлений?! Неужели на тебя не произвели никакого впечатления ни военная охрана Палатина (один из холмов в Риме), ни ночные патрули по всему городу, ни страх народа, ни многолюдное собрание благонамеренных граждан, ни это неприступное место заседания сената, ни, наконец, выражение лиц здесь присутствующих?! Разве не чувствуешь, что все твои планы раскрыты?»

Марк Туллий Цицерон.

Первая речь против Катилины.

Мы с Вадиком совершили немало совместных путешествий.

Нынешние холода, а столбик термометра даже днем не поднимается выше минус двадцати градусов, напомнили мне об одном из них.

Мой друг уже окончил свой институт, уехал в Пермь и целый год отработал там на каком-то секретном предприятии оборонного значения.

В начале мягкого, почти дождливого января – в Карелии случаются и такие зимы, я написал заявление на отпуск и получил в полное распоряжение двенадцать дней полной свободы. Не теряя ни одного из них, выехал в Питер, оттуда дал Вадиду телеграмму и приобрел билет в общий вагон поезда, следующего на восток.

Три дня был в пути – велика Россия.

И вот стою на пермской привокзальной площади. Мороз под тридцать. На мне демисезонное пальто вызывающе зеленого цвета (вот дурак-то был), на голове модная шапка-«москвичка», на ногах – войлочные боты типа «Прощай, молодость», а перчаток я сроду не носил.

Эдаким смородинным кустом подплыл к постовому милиционеру и спросил, где находится так называемый ГЭС-городок. Оказалось, в пятнадцати километрах от центра. Пока добрался до места в насквозь продуваемом автобусе, чуть не околел.

На следующий день Вадик с коллегами экипировали меня по погоде: был принесен комбинезон на бараньем меху, теплая куртка как у полярных летчиков, такой же летческий шлем, вот только унты выписать на предприятии не удалось, так что я щеголял в лыжных ботинках с шерстяными носками.

Вадик немедленно оформил отгулы, и мы отправились навстречу приключениям.

– Пропозиция такая, – сказал мой друг, – она подкупает своей оригинальностью и абсолютной ясностью. На электричке мы добираемся до узловой станции, что на Шуйском тракте, где пере-

саживаемся на вечерний рабочий поезд. На нем пилим километров двенадцать до заброшенной будки путевого обходчика. В таковой есть стол, лавка, печка-буржуйка, в окне целы все стекла. Я там летом бродил с этюдником и эту красоту видел своими глазами. Нравы в здешних краях простые, так что мы просто попросим дяденьку машиниста около этой будки притормозить.

Все это он рассказывал мне в электричке, билеты на которую мы ради экономии решили не брать. К тому же из-за лыж мы не прошли в вагон, а ехали в холодном тамбуре, так что, можно сказать, вообще не воспользовались железнодорожным сервисом.

Но невесть откуда появился контролер, который нас оштрафовал.

– Не люблю людей, которые вот так нахально требуют деньги, – сказал Вадик. – Пираты Карибского моря благородней и участливее наших контролеров.

– Спасибо, что еще не ссадили.

– А здесь негде ссаживать. На этом перегоне электричка идет без остановок.

Рабочий поезд состоял из ветерана-паровоза и трех вагонов. Я такие вагоны только в кино о гражданской войне видел. Два керосиновых фонаря освещали обшарпанные, выдавшие виды деревянные лавки. В давно не мытых окнах ничего не отражалось. Впрочем, и видно через них тоже ничего не было.

*Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.*

Наши были явно из самых зеленых – зеленее не бывает.

Мы ехали уже минут двадцать, когда в вагон зашел кондуктор. Он был слегка поддатый.

– Здорово, ребята.

– Здорово.

– Геологи?

– Нет, мы не геологи.

– Туристы, что ли?

Терпеть не могу, когда меня называют туристом, в этом слове есть что-то расслабляющее, в нем предоставленный комфорт и удобство передвижения. Мой любимый писатель Олег Куваев всех путешествующих на свой страх и риск называл бродягами, у него даже книжка есть «Дом для бродяг».

Поэтому я так и сказал:

– Нет, мы не туристы. Бродяги.

– Понятно, – прищурил один глаз кондуктор.

Так смотрят в прорезь прицельной планки, когда совмещают ее с мушкой.

– Понятно, – повторил кондуктор, хлопнул себя по ляжкам, встал и вышел из вагона.

Через некоторое время поезд замедлил ход, а потом вообще остановился.

В дверях показался знакомый кондуктор. За ним вошли машинист с внушительным гаечным ключом и его помощник с ломиком в руке.

– Выметайтесь, ребята, – сказал кондуктор. – Нам неприятности не нужны.

Сила была явно не на нашей стороне. Мы забросили на спины рюкзаки и, громыхая лыжами, покинули вагон.

И вот прощальная картина, врезавшаяся мне в память: паровоз шумно фыркнул струей пара, дверь вагона открылась, в ней появился кондуктор.

– Если вы геологи, то идите, а если нет, то ничего у вас не выйдет! – крикнул он, и поезд покатил в темноту.

Еще километра три мы шли по шпалам. Наконец увидели будку обходчика. Она призывно темнела при ярком свете полной луны.

Мы нарубили нижних сухих веток елок и пихт, растопили буржуйку, набили снегом два котелка, и вскоре у нас были и чай, и каша. Для праздничной трапезы имелись также упаковка тахинной халвы и банка с вызывающей приток слюны этикеткой «Молочный поросенок в желе».

Начать, естественно, решили с поросенка, а халва она и в Африке халва, что ж в ней необычного.

Была деликатно вскрыта драгоценная жестянка. Вадик зачерпнул содержимое ложкой, почмокал и пожевал на стол довольно большой белый хрящ.

– Хрящик, – сказал он. – Сахарный.

Я тоже запустил в банку ложку, и на столе появился второй сахарный хрящик.

Собственно, только они и были в желе, мяса мы почти не обнаружили.

– Зато как красиво названо, – сказал Вадик. – Давай-ка пить чай с халвой.

Верх железной печки раскалился докрасна, мы сидели раздетые по пояс и пили чай, заваривая его прямо в кружках.

Это было замечательно.

Спать пришлось урывками, все время подтапливая буржуйку, у которой была прямая тяга без удерживающей тепло заслонки.

Утром Вадик достал свой этюдник.

Замерзшая краска плохо выдавливалась из тюбиков, он раскрутил их с противоположной стороны, отложил кисти и стал писать этюд мастихином.

А я встал на лыжи и отправился на верх длин-

ного-длинного склона. Там, на его макушке, обнаружилась покинутая людьми деревенька. Сбросив лыжи, зашел в первую избу. Полуразобранная русская печь и полное отсутствие какой-либо мебели. На электрическом шнуре висела задавленная кошка.

– Какие добрые и отзывчивые люди живут в этих краях, – сказал я, собственно, ни к кому не обращаясь.

Обрезал шнур и бросил трупик в сугроб у крыльца – похоронил.

В другие избы заходить не стал.

Катиться вниз было приятно и даже весело.

Потом мы опять топили печь, истово, как и полагается настоящим путешественникам, пили чай, а поздним вечером вышли к железной дороге. Знакомый поезд прошел мимо, даже не притормозив.

– Здесь неподалеку есть шоссейная дорога, не магистральная трасса, скорее проселок, но идти по ней будет все-таки удобней, чем ковылять по шпалам, – сказал мой друг.

Мы разыскали эту дорогу.

Ярко светила луна, колючие звезды искрились как льдинки.

Шли мы так: тот, кто был в унтах, топал внушительно, деловито и тащил за собой связанные попарно лыжи, а тот, кому достались лыжные ботинки, приплясывая, чтобы не замерзнуть, то убегал вперед, то возвращался. Через каждый километр мы переобувались.

Когда холод уже стал изрядно донимать, услышали за спиной шум мотора. Мы даже не голосовали, машина остановилась сама. Приоткрылась водительская дверь, и голос из темноты сказал:

– Забирайтесь в будку.

В фургоне было тепло, даже жарко. Топилась походная печурка, на стене, примыкающей к водительской кабине, светила лампочка в матовом полукруглом плафоне. За небольшим столиком трое мужиков азартно резались в карты. Четвертый, принявший у нас лыжи, пил из эмалированной кружки чай необыкновенной черноты.

– Давно идете? – спросил он.

– Часа два, – сказал Вадик.

Больше нас ни о чем не спрашивали.

На узловой станции мы купили билеты до Перми, а поскольку пришлось потратиться, то занесли лыжи в вагон электрички и обратно ехали с комфортом.

4

«Но пусть из вас никому не покажется странным, что я в этом деле, строго законном, в вопросе о праве, когда этот процесс идет пред лицом вашего претора, столь достойного мужа, в присутствии судей столь строгих, при таком многолюдном собрании граждан, – что в этом деле прибегаю к такой форме речи, которая кажется чуждой не только судебным обычаям, но ни в чем не похожа на строгий судебный язык».

Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту поэта Архия.

Четвертый сон Веры Павловны – это святое.

Помню, как рассказывала, почти пела, наша словесница.

И мы воочию видели: золотится нива, взошло солнце, оно льет свет и теплоту, и сама собой рождается песня радости – «О земля! о нега! о любовь! о любовь, золотая, прекрасная, как утренние облака над вершинами гор!»

На окраине леса, среди цветущих кустарников воздвигнут дворец.

Там пир. Пенится вино; сияют глаза пирующих. Шум и шепот, смех и тайное пожатие руки, а порою украдкой неслышный поцелуй.

И встает поэт.

Он поет о царице Астарте. На руках и ногах ее золотые браслеты; тяжелое ожерелье из кораллов, оправленных золотом, на ее шее. Ее волосы увлажнены миррою. Сладострастие и раболепство в ее лице. Смысл ее жизни – усладить своего господина в промежутках между набегам.

Поэт поет об Афродите. На ней нет никаких украшений. Она была так прекрасна, что ее поклонники даже не хотели, чтобы она скрывала свое тело под одеждой. И в ее глазах нега физического наслаждения. Ее осанка горда, но гордость только своею физическою красотою. Таких женщин мужчина запирает в гинекей, чтобы никто, кроме него, господина, не мог наслаждаться красотою, ему принадлежащею.

У нее не было свободы. А где нет свободы, там нет и счастья.

Поэт поет о рыцарях, о славных турнирах, о походах в Палестину, о красавицах, за благосклонность которых бились мужчины. Но стоило какой-нибудь красавице стать женой рыцаря, как она становилась его подданной, он переставал любить ее, он охотился, он пировал со своими товарищами, он насиловал своих вассалок, а жена была брошена, заперта в пышном, но холодном замке и презренна.

Наша словесница высокая, статная, незамужняя,

не то чтобы экзальтирована, скорее ее можно назвать пылкой. Такие женщины любят верховодить и всегда настаивают на своем. Ее голос, словно у муэдзина в полдень, он густ и меден, как труба. Вот он благовест, вот она истина, вот диагональ, которую искал Андрей Вознесенский.

– Только там, где женщина свободна, может быть любовь, только там может быть будущее, которое светло и прекрасно, – возвещает она.

Девочки класса в восторге, парни насуплены и в глубокие души не согласны ни с Чернышевским, ни со словесницей.

Кстати, ее звали Зинаида Павловна, на школьном сленге Зипалка.

Ко мне она явно благоволила. О чем-то догадываясь, не вызывала к доске, а за сочинения почти всегда ставила пятерки.

Недавно я встретил Зипалку на улице.

Она была все такая же статная и, похоже, такая же незамужняя. Но глаза стали суровее и строже, как у гренадера, отпущенного после похода домой на побывку, да в голосе уже не было того металла. Случилось и удивление: в школе она виделась мне взрослой женщиной, почти теткой, а оказалось, что старше меня всего-то лет на шесть-семь.

– Как живешь? – спросила Зипалка.

– Живу. Пушкина перечитываю.

– Я всегда знала, что ты умный мальчик.

– А у вас как дела?

Она махнула рукой.

– Какие могут быть дела у педагога. Рутин.

На том и расстались.

...Именно благодаря нашей милой словеснице я знаю, что был такой замечательный поэт Алексей Плещеев.

*Как дети иль рабы преданию послушны,
Как часто в жизни мы бываем равнодушны
К тому, что сердце нам должно бы разрывать,
Что слезы из очей должно бы исторгать.
Мы плакать не хотим, мы не хотим терзаться
И предрассудкам казнь в сомнениях искать;
Не лучше ль слепо им во всем повиноваться,
А в бедствиях судьбу спокойно обвинять...*

И благодаря ей же никогда не скажу, как депутат Государственной думы, что «не собираюсь растекаться мыслью по древу».

Потому что «мысль» в переводе с древнерусского – это «белка».

Не хотел белкою скакать по ветвям боян вещей, как не хотел и летать соколом под облаками – о походе князя Игоря сложил он песню, и Русь белая была уже за холмом...

Кстати, насчет Пушкина я не пошутил.
Ведь в школе мы Пушкина не изучали, а «проходили».

И что запомнилось?

Что зимой крестьянин торжествует, а некий дядя был самых честных правил.

Пушкина школьной линейкой не измерить.

Потому что он всегда разный – живой, влюбчивый, насмешливый, талантливый настолько, что сам не знает границ своего таланта.

Только Пушкин мог начать свою поэму с анекдота и уже первой строкой вызвать у читателя улыбку понимания. Мало кто знает, что в то время был широко известен романс, начинавшийся словами «Осел был самых честных правил», так что характеристика дяди, о котором думал Онегин, дана одним шутливым росчерком во всей полноте.

А сколько уничижительных слов было сказано педагогами и вслед за ними и послушными учащимися в адрес Онегина, отвергшего любовь Татьяны.

Даже Зипалка заклемила этого вертопраха.
Собственно, за что?

Иногда мне кажется, что об «Онегине» судят по фильму-опере, снятому на «Ленфильме» Романом Тихомировым еще в середине прошлого века. В нем роль Татьяны исполняет студентка ВГИКа красавица Ариадна Шенгелая, которой в то время было то ли двадцать, то ли двадцать один год (поет Галина Вишневская). Или же по более поздним фильмам – английскому, американскому. И в том, и в другом Татьяна – деревенская простушка в самом расцвете девичьей красоты.

А какой она виделась самому Пушкину? Вопрос риторический. Все ответы можно найти в поэме.

*Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой...*

Уже при первом знакомстве с героиней Пушкин называет ее девочкой.

Она задумчива, мечтательна, ей чужды детские проказы, а горелкам она предпочитает романы про любовь.

Появление Онегина произвело впечатление на все семейство Лариных, а более всего на Татьяну.

*Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь.*

В этом «кого-нибудь» все объяснение большой и чистой любви Татьяны.

Дальнейшее известно – она пишет Онегину письмо, с подростковым максимализмом объясняется с ним и готова на все.

Онегин далеко не ангел, в Петербурге у него было немало связей с замужними женщинами и девушками, которым он «наедине давал уроки в тишине» – в этом деле он был докой.

И вот письмо, полное неуголенной страсти, но Онегин холоден, даже равнодушен.

*Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,
Все те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!*

Пушкин прямо называет возраст Татьяны.

Об этом же и в восьмой главе, когда через несколько лет на светском рауте князь знакомит Онегина со светской дамой.

*«Постой, тебя представлю я». –
«Да кто ж она?» – «Жена моя». –
«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» – «Около двух лет». –
«На ком?» – «На Лариной». – «Татьяне!»
– «Ты ей знаком?» – «Я им сосед».
И Онегин спрашивает себя:
«Ужель та самая Татьяна,
...Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё наруже, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?
Та девочка, которой он
Пренебрегал в смиренной доле».*

Да, это та самая Татьяна, но которая уже устроила свою судьбу и в отместку за некогда отвергнутое чувство отвечает Онегину почти презрением.

Так за что же Онегина склоняли на уроках литературы?

За то, что пожалел малолетку? «Обмануть он не хотел доверчивость души невинной». Или учителя сами не читали роман, или читали его невнимательно?

Правда, позднее в одном из своих писем Пушкин прибавил возраст Татьяны – сделал ее восемнадцатилетней, но в поэме она как была, так и осталась подростком. Есть теперь о чем спорить пушкинистам, хотя по сути этот спор как был, так и остался из области схоластики. (Ведь до сих пор так и не пришли к общему мнению, сколько чертей сможет поместиться на кончике иглы.)

Мне жаль Татьяну, которая за внешней холодностью прячет свое одиночество.

Мне жаль Онегина, который как был, так и остался светским одиноким щеголем.

Одиноким, космически одиноким был и сам Пушкин.

Поэтому и дорожил так дружбой с бывшими лицамистами..

Одиноки дворники и шахтеры, бульдозеристы и педагоги, поэты и проститутки, фрезеровщики и машинистки, продавщицы и хирурги, слесари-монтажники и патологоанатомы, жонглеры и капитаны дальнего плавания, бомжи и думские заседатели... Одиноки девочки, которые мечтают о большом чистом чувстве, и старики, радующиеся утреннему легкому стулу. Все люди одиноки. Каждый по-своему. И в тех семьях, где мужчина чувствует себя хозяином, и в тех, где верховодит женщина, там тоже живет одиночество, которое прячется за внешним благополучием.

Если к одному прибавить один, то в сумме получится один плюс один.

Хоть так считай, хоть эдак. Парадокс, точнее сказать – палиндром Афанасия Фета: «А роза упала на лапу Азора» или такая же шутка Гаврилы Державина: «Я иду с мечем судия».

Одиноким чувствует себя все человечество.

Не потому ли мы так упорно ищем во вселенной собратьев по разуму? А научная фантастика в большинстве своем посвящена встрече с иными мирами и другими цивилизациями.

Не одиноки лишь верящие в Бога. Он всегда с ними, всегда рядом – есть кому пожаловаться и кого поблагодарить.

Я собираюсь на ночное дежурство.

Вот чай – у меня на работе кончилась заварка. Вот пара бутербродов – один с сыром и один с колбасой. Два жареных пирожка с повидлом. Я их обожаю. Это на сладкое.

После секундного раздумья кладу в сумку томик «Маленьких трагедий». Я эту книжку уже читал, но читал с теми мыслями, которые были тогда. Сегодня я перечитаю «Пир во время чумы». Это гимн одиночеству.

... спою вам гимн

Я в честь чумы, – я написал его

Прошедшей ночью, как растались мы.

Мне странная нашла охота к рифмам

Впервые в жизни! Слушайте ж меня:

Охрипый голос мой приличен песне.

5

«О сладкое имя свободы! О исключительное право, связанное с нашим гражданством!..

О трибунская власть, которую так сильно желал римский плебс и которую наконец ему возвратили!

Неужели все это настолько отошло на задний план, что связанного римского гражданина

в провинции римского народа, на площади союзного города подвергает бичеванию тот,

кто своими фасцами и секирами

{атрибуты власти римского консула}

был обязан благодеянию римского народа?»

Марк Туллий Цицерон.

«Ораторское описание казни римского гражданина».

Мне иногда вспоминается наша вылазка на озеро Синиц.

Вадик нагрянул в Петрозаводск неожиданно.

«Готов?» – «Всегда готов».

На автобусе мы доехали до полузаброшенной деревеньки.

– Я пять лет назад малевал вон ту покосившуюся баньку, – сказал мой друг. – Подошел ко мне местный пенсионер, постоял за спиной, посмотрел, как я смешиваю краски, а потом сказал просто для обозначения разговора: «А комарей нынче страшно много», и пошел домой, не дожидаясь ответа.

Пройдя еще немного по дороге, мы свернули в лес и, срезая путь, побрели, почти по пояс утопая в снегу. Вышли к озеру, метрах в двухстах от берега высоким холмом возвышался остров. Мы перешли к нему по льду пролива, поднялись вверх пологим склоном. На большой поляне стояли два дома – один без крыши и уже частично разобранный, у второго отсутствовал хлев вместе с сеновалом и в окнах не было ни одного стекла.

– Здесь и остановимся, – сказал Вадик.

У южной стороны дома уже вытаял снег.

Я тогда еще путешествовал без спального

мешка, а брал вместо него суровое солдатское одеяло. Мы расстелили его на желтой прошлогодней траве, выложили съестные припасы и сфотографировали на память это гастрономическое изобилие. Развели костерок, вскипятили воду, чай по обыкновению заваривали в кружках.

Потом мы стали сочинять программную песню, ими отмечался наш каждый совместный поход.

*На озере Синиц
Вода светлей зарниц,
Кукушка на сосне,
И щука на блесне,
И стаи диких птиц,
И эхо без границ,
И рыба в птичьих снах
Танцует на камнях...
И т.д.*

Но не было ни кукушки, ни щуки, ни птичьих стай. А был конец апреля, безымянный остров и озеро подо льдом.

Написав очередной гимн бродяг, мы стали готовиться к ночлегу.

На чердаке дома имелась небольшая выгоревшая светелка, через которую проходила труба. Мы забили ее единственным окном обломками фанеры и обрывками картона, после чего немного протопили печь.

Ошибка туристов-неофитов заключается в том, что, обнаружив на лыжном маршруте старый заброшенный дом, они тут же начинают его усиленно протапливать. Это может кончиться пожаром. А если не загорится дом, то треснет печь, и тогда прощай комфорт и песни под гитару. Те, кто любит путешествовать зимой, об этом знают. Поэтому топили мы осторожно, только чтобы нагреть трубу, и она всю ночь проработала как калорифер – без банного жара, но и без перерыва.

Мы прожили на острове три дня.

Вадик писал свои этюды, я бегал в поисках интересных кадров.

На четвертый день уложили рюкзаки, но решили идти не старым путем, а наискосок по проливу, чтобы сразу выйти на проселок.

Лед за эти дни подтаял, и каждый шаг давался с трудом – нога проваливалась выше колена, но там, под верхним слоем льда, был второй, матерый. Так бывает, когда в середине зимы случается сильная оттепель.

Идти по такому двойному льду страшновато – никогда не знаешь, найдешь ли под ногой опору или ахнешь вместе с рюкзаком по пояс, а то и вообще попадешь в полыню.

Иногда мне вся наша жизнь видится как этот переход по двойному льду.

Я ведь помню и хлеб за четырнадцать копеек, и колбасу за два двадцать. Но помню и очереди за женскими сапогами, и пустые прилавки магазинов.

Как-то занесло меня в Шуньгу, зашел в тамошний продмаг, а там только серые макароны, печенье «Привет», водка и сигареты «Прима». Даже кильки в томате нет. Вслед за мной зашла старушка-божий одуванчик, походила вдоль сиротской витрины, взяла чекушку петрозаводского разлива, да с тем и ушла. Наверное, была некурящей.

Идеи социализма прекрасны, кто ж будет спорить.

Но идеологический крен в сторону гегемонии пролетариата кончился деревянным рублем и стагнацией производства. Только призывов, что экономика должна быть экономной, оказалось недостаточно, и социалистическое соревнование не заменило конкуренции, о которой так нелестно отзывались партийные вожди, которые, кстати, пользовались услугами спецраспределителей.

Я помню, как ругали Егора Гайдара, когда он утверждал, что рыночные отношения откроют путь к изобилию товаров. А я Гайдару поверил, потому что как-то мне в руки попал очень интересный документ. Оказывается, когда был объявлен нэп, в нашем городе тотчас появилась группа уличных торговцев. Они торговали всем, что сохранилось дома: нитками, иголками, стеклами для керосиновых ламп... Человеку всегда хочется жить лучше, чем он живет сегодня, и ради этого достижимого будущего он готов с чем-то расстаться, а если нужно, то и поработать сверхурочно. Личная заинтересованность – стимул немаловажный.

Вот только с приватизацией у нас вышла явная промашка.

Я до сих пор не понимаю, почему недра, которые принадлежат народу, были распределены так, что народ оказался в стороне.

Еще я не понимаю, почему государственную монополию на водку отдали в частные руки. Эта золотая жила после Великой Отечественной была большим подспорьем в экономике страны.

А сейчас я не понимаю, почему вся страна стала колонией одного города – Москвы. Именно там крутится более восьмидесяти процентов всех денежных потоков.

– А что делать? – говорят мне.

– Выхода, по крайней мере, два: или превратить всю страну в одну большую Москву, или обнести Москву высоким забором и пусть она там живет как отдельное государство.

Власть – штука тонкая.

Но почему-то у токаря, если он выточит деталь,

не соответствующую заданным размерам, эту деталь не примут и посчитают браком, а чиновник карельского правительства спокойно получает зарплату, премиальные и дополнительные льготы за вредность производства, хотя уже в сорока километрах от Петрозаводска есть поселок Виллагора, за ним Кутизма, а неподалеку от нее Сяпся, где люди живут «с трассы» – торгуя ягодами, грибами, вениками да топорщиками.

«Там нет производства», – говорят мне.

«Там живут люди, которые доверили власти свою судьбу», – отвечаю я.

Будем надеяться, что кто-нибудь из бизнесменов там что-нибудь откроет?

Или, борясь за рождаемость в стране, ждать, когда все эти поселки вместе с бесперспективными деревнями сами по себе вымрут?

Таких вопросов можно задать много.

Число чиновников растет, а ответов на эти вопросы как не было, так и нет.

И я думаю, почему в капиталистической Швеции население – все население, включая мигрантов – социально защищено, а мы свое социалистическое прошлое назвали трагической ошибкой и ринулись очертя голову в пучину наживы. «Не надо бояться денег. Дело не в нулях, а в их количестве» – вещает реклама. Интересно, на кого она рассчитана и что рекламирует?

Что-то мрачно я сегодня настроен.

Впрочем, радоваться нечему, это только в теленовостях у нас все хорошо, все на посту и держат руку на пульсе.

6

«В самом деле, что может быть так нелепо, как пустой звон фраз, хоть бы даже самых отборных и изящных, но не основанных на какой бы то ни было мысли или знании? Стало быть, если любой вопрос, из какого бы то ни было искусства, в каком угодно роде, оратор только изучит как дело своего клиента, то изложит его лучше и изящнее, нежели сам изобретатель и мастер этого дела. ... А если кто вполне не проник в души человеческие в их своеобразии по личностям, не постиг тех причин, благодаря которым люди возбуждаются или снова успокаиваются, тот своей речью не сможет достигнуть желаемой цели».

Марк Туллий Цицерон. Из трактата «Об ораторе».

Руководство попросило меня раскидать снег около конторы, естественно, за дополнительные премиальные. Поэтому с дежурства я возвращался около полудня. Мороз за двадцать. В

чистом воздухе особенно остро ощущается запах выхлопных газов автомобилей. Редкие прохожие идут скукожившись.

Около Вечного огня две взрослые девицы катались на ватрушках.

Когда-то здесь была так называемая Детская горка. Снаряд под названием «ватрушка» еще не был придуман, и мы осваивали ледяные дорожки на обычных фанерках, а после Нового года – на отстоявших в праздничном карауле елках.

Потом построили мемориал. Горку закрыли, на ее месте появилась широкая на два крыла лестница. Но крутые склоны как слева, так и справа от нее как были, так и остались, и там зимой час-тенько звенят детские голоса.

Эти девицы тоже веселились вовсю, хотя давно вышли из детского возраста.

– Хотите прокатиться?! – крикнула одна из них.

Для полного веселья им была нужна еще и компания.

– Я бы с удовольствием, но у меня в кофре дорогая оптика.

– Фотоаппарат? Сфоткайте нас.

– Это пожалуйста.

Девицы плюхнулись на свои ватрушки, задрали ноги и растопырили руки с поднятыми вверх большими пальцами, что, вероятно, должно было означать неопиcуемый восторг.

– Спокойно, девушки. Ноги опустите, руки оставьте.

Я увеличил экспозицию на полтора деления, чтобы снег был белее, а лица не такие красные. Зафиксировал их нарочитый восторг. Потом стал снимать портреты. У блондинки, назвавшейся Эллиной, было типично карельское лицо – простое и жизнерадостное. Вторая девушка – Наташа, представляла явно южный тип – смуглая, глаза как сливы, нос с горбинкой, в левой ноздре был сделан прокол и в него вставлен блестящий камешек, я по нему навел на резкость.

– У вас есть электронный адрес? – спросила Элли-на, она вообще была более бойкой и раскованной.

– Да.

Эллина достала из-за пазухи смартфон и тот-час его зафиксировала.

– Я напишу. Готовьте фотки.

Моего имени они не спросили.

Вечером зашел Кирилл, который блестяще знает фотошоп и лайтрум и часто дает мне полезные советы.

Я как раз работал над одним из портретов.

– О, да мы стали знакомиться с милыми амазонками.

– Это они со мной познакомились.
 – То есть произошло совращение святого Антония.
 – Ничего не произошло. Вот отошлю портреты, и на этом все закончится.
 – Что так?
 – Есть две вещи на свете, которые я абсолютно не понимаю: это как устроена китайская пишущая машинка и о чем говорить с девушкой.
 – Да ни о чем говорить не нужно.
 – Сразу хватать за интересные места.
 – Нет, вначале нужно поговорить – о чем угодно, но много и безостановочно, так, чтобы у нее напрочь снесло башню, а потом можно хватать. Ты о пикапе слышал?
 – Это тип автомобильного кузова.
 – Это типа как знакомиться с девушками. Целая наука, технология разработана до мелочей. У пикаперов есть свои сайты, состязания, форумы, на которых происходит обмен опытом. Имеется специальная литература. Несколько лет назад даже художественный фильм сняли, который так и называется «Пикап. Съём без правил». Совсем отстал ты от жизни.
 – Есть такое. Я все больше Пушкина почитаваю.
 – О, Александр Сергеевич известный жизнелюб. У нынешних пикаперов он был бы гуру.
 Мы попили чаю специального замеса – с бергамотом, поговорили о фотографии. На прощанье Кирилл сказал:
 – Сейчас приду домой и pošлю тебе пару полезных книжек. Почитай.
 Книги оказались солидными. Не какие-нибудь там брошюрки из серии о смелых и умелых.
 В одной из них описывались биологические особенности мужчин и женщин, межполовые отношения при первобытном строе, при античной демократии, в Римской империи, христианской цивилизации. Особое внимание было уделено культурным наслоениям и компенсационным механизмам религии как системы противодействия стадным инстинктам и балансировки межполовых отношений.
 Отдельные главы были посвящены миру мужчин и тому, как женщины пытаются мужчинами управлять («Мифы», «Двойной стандарт», «Корпоративная женская солидарность», «Женская логика», «Создание комплекса вины», «Создание комплекса неполноценности», «Провокации», «Женские приемы психологического боя», «Эмоциональный террор», «Отказ в сексе как инструмент дрессировки», «Психологический прессинг» и т.д.).
 Последняя глава называлась «Феминизм как женский сексизм, идеология неудачниц и оружие массового поражения».

Эта книга должна была меня психологически укрепить как мужчину. Так, по крайней мере, я ее понял.

Вторая книга была полностью посвящена приемам пикапа.

Она напомнила мне о диалоге, который якобы состоялся между английской королевой и Бернардом Шоу.

– Так вы говорите, что можно купить любую женщину? – спросила королева.

– Да, – коротко ответил Шоу.

– И меня? – улыбнулась королева.

– И вас, ведь вы женщина.

– Какова же будет цена?

– Ну, допустим, миллион.

– Так мало?

– Вот видите, ваше высочество, вы уже торгуетесь.

Идеология этой книги, а точнее сказать, учебного пособия была предельно проста: охмурить девушку и как можно быстрее уложить ее в койку.

Через поисковик Яндекса я отыскал и видеоролики свободной пикаперской охоты. Это была уже откровенная порнуха. Потрясала убогость сюжетов, по количеству их не набиралось и десятка. И хотя все было снято как бы любительски, но по деталям можно было догадаться, что это постановка. Девушки заранее проплачены и точно знают, что и когда им делать. Правда, диалоги вряд ли писались заранее, их содержание зависело только от самих пикаперов.

Собственно, из просмотренных роликов некоторое впечатление оставил только один. Некую девушку подхватывают на улице два пикапера на машине, зовут ее покататься, она соглашается, по дороге ведутся явно провокационные разговоры. Приезжают на окраину, там между гаражами девушка раздевается, и ее имеют на капоте машины. Нужно видеть лицо героини – оно спокойно и невозмутимо. У вас деньги, у меня товар – вот и вся премудрость. Похоже, она даже слегка презирает суетливых парней. Это даже до них дошло, потому что пикаперы не везут ее обратно в город. «У тебя есть чем платить – выберешься». Она и к этому отнеслась спокойно и тем самым оставила за собой поле битвы.

Вместе с пикаперскими роликами шла реклама интимных услуг. Она была строго ориентирована географически. Фотография девушки, под ней: «Надя. Петрозаводск. 163/60. Проститутка». Фотография и: «Ирина. 28 лет. Петрозаводск. Замужем. Ищу мужчину для встреч по выходным». Фотография и: «Ольга. 38 лет. Хочу секс сегодня. Телефон в профиле». Фотография и: «Наташа. Петрозаводск. Нужен секс. Могу приехать сама». Нажимаешь на фотографию и вызываешь девушку

как такси. Улыбку вызвала простодушная подпись под одной из фоток: «Я заплатила за это объявление. Жми только если хочешь секса со мной».

Я довольно спокойно, без снобизма и осуждения отношусь к проституткам и шлюшкам. Не все же вытаскивают счастливый билет в артистки, модели, манекенщицы, а на стройки народного хозяйства без особой необходимости никому не хочется. Как и книжки читать, чтобы поумнеть или ходить регулярно в спортивный зал для поддержания физической формы. Пройдет несколько лет, и эти девушки подадут объявление на сайт знакомств, чтобы выйти замуж и опять жить без особых забот. А в политику, искусство, просто на производство они не рвутся. Я им не судья, каждый сам кузнец своего счастья и чем может, тем его и кует.

Позвонил Кирилл.

– Как тебе книжки?

– Да как сказать? Эта война полов не сегодня началась и не завтра закончится. Возможно, она заложена самой природой, ведь женщины – это совсем другой народ, и цели их заметно отличаются от мужских. При коммунистах все это тоже было, но протекало латентно и потому не так заметно. А сейчас обнажилось. И если выходят книжки «Как стать стервой», «Искусство быть стервой» или «Школа стерв», то почему бы не появиться литературе, направленной против женского шовинизма? На самом же деле пикаперство – это лишь лежащий на поверхности видимый слой, сама же проблема несколько глубже. И я думаю, что государство напрасно отказалось, например, от книгоиздания, потому что литература по большому счету учит морали, как и все искусство, которое до сих пор у нас финансируется по остаточному принципу, то есть с каждым годом все меньше и меньше – нефть-то дешевет. А моральное воспитание людей передали церкви. Только она и раньше не справлялась с этим делом, и в будущем в силу своих догматов справляться не будет.

– Ну, ты уже и базу подвел. С девушками-то знакомиться будешь?

– Специально нет. А там – как получится.

7

«Закономерность следует соблюдать не только во взаимном расположении слов, но также и в конечных членах периода, так как это, согласно вышесказанному, составляет второе требование слуха. Но закономерность в окончаниях происходит или путем самого расположения слов и как бы произвольно, или в силу известной однородности слов, что уже само по себе обуславливает их симметрический характер: имеют ли они

одинаковые падежные окончания, сопоставляются ли ими однородные понятия или противопоставляются противоположные, – подобные сочетания уже по самой природе оказываются ритмическими, несмотря на полное отсутствие в них искусственности».

Марк Туллий Цицерон.

«О ритмической художественной речи».

В поисках интересных кадров я люблю бродить по родному городу.

Это, конечно, не Город Солнца Томмазо Кампанеллы.

Помните? «На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором и расположена большая часть города; многочисленные же его окраины выходят далеко за подошву горы, размеры которой таковы, что город имеет в поперечнике свыше двух миль, а окружность его равна семи. Благодаря тому, что лежит он по горбу холма, площадь его больше, чем если бы он находился на равнине. Разделяется город на семь обширных поясов или кругов, называющихся по семи планетам. Из одного круга в другой попадают по четырем мощным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света». А в самом городе обширные палаты, арки, галереи для прогулок...

И хотя Петрозаводск, расположенный на высоком онежском берегу, тоже отстраивался на холмах, уходящих уступами вверх, он исторически не поражал оригинальностью архитектуры.

Деревянными были двухэтажные хоромы зажиточных купцов, деревянными были дом первого олонецкого губернатора Гаврилы Державина и дом горного начальника – истинного хозяина этого обширного края, деревянными были дома горожан, гостиница «Палермо» и меблированные комнаты госпожи Тупицыной, в которых останавливались высокопоставленные визитеры из столичного Петербурга.

Появление первых каменных зданий нашло отражение в местной топонимике. Так, улочка, расположенная за каменными зданиями ансамбля на Круглой площади, называлась просто и понятно – Закаменской.

«Плешивый щеголь, враг труда» и герой Отечественной войны 1812 года Александр I, посетивший Петрозаводск в 1819 году, осмотрел не только завод – сердце города, но и дома мастеровых. В назидание потомкам он оставил следующее соображение: «Роскошь в мебелих вовсе неуместна для мещан и ремесленников, опрятность в жилищах имеет влияние не только на здоровье, но и на саму нравственность хозяев, которые, любя свои дома, делаются от того счастливее». Он вообще имел слабость к такого рода сентенциям и с удовольствием их отливал.

По большей части деревянным встретил Петрозаводск революцию.

Из дерева же было возведено уникальное здание той поры – Дом крестьянина, сгоревшее в наши дни.

После Великой Отечественной, когда город был большей частью разрушен, началось большое кирпичное строительство.

Преобразились проспект Карла Маркса, улица Гоголя, появились «дома специалистов» – их два, кинотеатр «Победа» и местная достопримечательность – растянувшийся на целый квартал 119-квартирный дом по проспекту Ленина.

Во времена «дорогого Никиты Сергеевича» началось большое строительство блочных пятиэтажек. Предполагалось, что они возводятся лет на двадцать-двадцать пять, а потом, уже при коммунизме, будет строиться более удобное и просторное жилье. Коммунизм не наступил, а «хрущобы» стоят до сих пор.

Сейчас иные времена, другая архитектурная мода, другие строительные материалы.

Рядом с деревяшками и четырех-пятиэтажными домами, отмеченными печатью социалистической поры, вырастают новые здания – с колоннами, неожиданными выступами, большими застекленными поверхностями.

Я дилетант в углубленных вопросах градостроительства, обычный горожанин, но почему-то вся эта эклектика оставляет душу равнодушной. Душа по-прежнему ждет неожиданности и праздника.

Я брожу по улицам в поисках счастливых лиц.

Люди проходят мимо – сосредоточенные, невыбчивые, деловые, многие говорят по мобильным телефонам, на ходу решая свои проблемы.

Зима, холод, однообразные серые дни.

8

«А мое мнение таково, что никто не может быть во всех отношениях совершенным оратором, если он не изучит всех важнейших предметов и наук.

На самом деле, речь должна быть пышным плодом знания предмета; если же оратор не усвоит и не познает предмета своей речи, то словесная форма такой речи представляется пустой и чуть ли не детской болтовней».

Марк Туллий Цицерон.

Из трактата «Об ораторе».

Образ судебно-политического оратора.

По жизни я большой эконом. Могу наварить большую кастрюлю борща и четыре дня им питаться.

С любовью и уважением отношусь к макаронам и кашам.

К тому же совершенно не употребляю алкоголь.

Собственно, у меня лишь одна слабость – хороший чай. Его в доме всегда несколько сортов – обычный черный или с добавками – бергамота, шиповника, яблочного цвета, лугового сбора...

Чай я могу пить в любое время дня и ночи, и он до сих пор мне не надоел.

В общем, живу достаточно скромно. С девушками не встречаюсь, так что эта статья расходов полностью отсутствует. А вот дополнительные доходы имеются. То позовут зафиксировать для потомков встречу ветеранов, то не менее историческую выставку цветов. Больше же всего мне нравится снимать воспитанников детских садов, там счет снимков идет на десятки.

Такой образ существования позволил мне приобрести современную фототехнику и необходимое оборудование для печати снимков.

«Найдите себе дело по душе и вам не придется ни одного дня работать», – утверждал Конфуций.

Золотые слова.

А что я умею и люблю?

Только фотографировать.

Ради фотографии я даже живопись много лет изучал и до сих пор не пропускаю ни одной значительной выставки. Постоянно просматриваю работы на фотосайтах – учусь на живых примерах.

В общем, я решил открыть свою студию.

Ночами на работе, да простит меня руководство, я сплю, днем свободен. Только утром в понедельник занят – хожу в баню, которую в Петрозаводске называют «железкой».

С помещением мне повезло – удалось найти подвал в центре города, напротив торгово-развлекательного центра «Макси», в том доме, где на верхнем этаже располагаются мастерские ведущих художников.

Если идти от вокзала к озеру по проспекту Ленина, то сначала будет гостиница «Северная», потом Совет министров, где заседает глава правительства, а чуть ниже, через дом, обосновался я.

Вместе со мной в бывшем бомбоубежище обосновалась фирма «Мебель на заказ». Вот как раз за ее приемной и располагается комнатка, которая оказалась никому не нужна.

Когда я впервые зашел в нее, то был потрясен: именно так в фильмах ужасов изображают пыточную.

Меня устроила арендная плата.

Витонитом выровнял стены, покрасил их водно-эмульсионкой, установил софиты – большой для основного освещения, два других – для рисующего света. Смастерил большой рабочий стол с глубокими закрывающимися нишами – для компьютера, принтера, склада фотобумаги,

электрического чайника. Еще один стол предназначен для чаепитий – мало ли кто зайдет в гости. Сделал большие кубики разных размеров – на них принято снимать детей. А из готовой мебели у меня только венский стул с гнутыми ножками – специально чтобы фотографировать девушек.

С помощью друзей посетил реквизитный цех Музыкального театра, честно отработал там пару часов, потом принес и раздарил кучу фотографий, в подарок получил большое черное полотно. Так что теперь у меня есть и такой фон наряду с традиционным белым.

Потом занялся рекламой.

Одна вывеска появилась у входа в наш подвал, вторая – у пешеходного тротуара. Обе строгие, аристократически черно-белые, но достаточно броские.

За всеми этими заботами я совершенно забыл о главном деле своей жизни – письмах другу.

Он встревожился, вероятно решил, что у меня началась полоса мрачной мизантропии, и на одной неделе я получил сразу два письма.

«Закадычный мой собродяжник! – писал Вадик. – Не одолжишь ли свой посох, тот, что с бубенцом, подзорной трубой и стилетом? Хочу сходить в Индию за краской Энси. Император Хой Цун обессмертил себя шелковым свитком «Зяблики на бамбуке». Чем я хуже? Мои «Домовые» и «Лешие» нарасхват.

А путь уже проторенный. По Черному на струге, от Босфора на фелюге, через Аравию с бедуинами. До храма обезьян как-нибудь доплетусь. Там близко. В палисандровых рощах найду дерево суоги. Пурпур выгоню сам, дешевле обойдется. Дабы избежать таможенных поборов, вернусь окольной тропой через поднебесную столицу вечных богов.

Не полениюсь отбить сто тысяч поклонов, поцелую шлепанец далай-ламы ради сувенирной свечи и ленты. Заодно постригусь в монахи – одежду дадут.

В Средней Азии не пропаду. Река к Аралу выведет. От моря наши земли начинаются.

А может, ты плюнешь на монастырь – без тебя достроят – да вместе двинем?

В Индиях ломоту в костях лечат.

Подумай».

Второе письмо было посвящено как бы творческим исканиям.

«Отжатый до символа факт: замызганная столешница, сальная газета, надкушенное яблоко. В натюрморте чего-то не хватает. Может быть, стыдливости?

Главное достоинство сознания – сомнение. Бурдиганов осел – модель познающего разума. С того дня, когда Аристотель сказал своему учителю:

«Ты дорог мне, Платон, но истина дороже», – человек во многом преуспел.

Достижениям иконографии предпочту греческую школу, левкасу – мутную среду. Первый план держится в нейтральном сумраке. На втором плане красуется активно-светлое пятно. По английскому канону, теряя теплоту в тенях, блекнет третий план.

Однако не хватает живого чувства. Кладу на газету нож. С нержавеющей стали стекает сок раздавленной клюквы. Аморальность Евы сдобрена уговлщиной Каина.

При построении композиции следует различать, падают тени или поднимаются. Известно, что горизонталь несут в себе ясность и тяжесть, в перекрестии косых зарождается возбуждение и беспокойство, перпендикулярам присущи легкость и стройность. Во всех точках холста должна присутствовать пламенеющая пирамида. И необходимо помнить о золотом сечении Пифагора и божественной цифре 10. Без эстетики числа и циркуля не будет триады.

В компоновке использую фригийский модуль. Он хорош для сюжетов радостных и приятных. Прямые углы столешницы действуют строго и сильно. Яблоко, помещенное в мертвой точке, фиксирует математическую неподвижность замысла.

Сущей малости не достает, чтобы предметы слились в гармонии. Вот что: забыл одну шестую светосилы отдать активно-темному пятну. Ставлю кружку, «прочерненную до не зги».

Прием Караваджо – свет к свету, тень к тени – недосыгаем. Рембрандт поднаторел в разработке принципа виноградной кисти, но мало кто последовал его примеру. Доступней всего способ Леонардо да Винчи – светлое на темном.

Остается настроить палитру. Делакура предупреждал: только точно подобранные тона обеспечивают успех. Разбеленная умбра предназначена для фона. Охра и кость жженая созданы для прописи.

Прежде чем стать самобытным мастером, Рафаэль был маленьким Перуджино, а Тициан маленьким Джорджоне. Недурно бы постичь виртуозность голландцев. Работать буду флейцевой кистью. Пропись мертвыми тонами, белильный подмалевок, темно-лаковые лессировки – эти три процесса завершат контрапункт живописи.

Не приступить ли к волерам?

Нет, все части натуры не собираются в единое целое.

Подобно интервалу в музыке и пустоте в доме, самое удачное в картине то, что отсутствует. Выкину нож. Уберу кружку. Съем яблоко. Выброшу газету. Чистый холст с точкой в центре – венец творения Кандинского. Ликвидирую точку и останусь самим собой».

Я тотчас устыдился.

Сел писать большое смешное письмо и только после этого снова занялся обустройством фото-берлоги.

А клиент не шел.

Я проклинал человека, скрестившего телефон с фотокамерой – чтоб ему остаток дней провести на галерах. Теперь каждый сам себе фотограф.

И что мне делать с роскошной фотосилой, знанием фотошопа и венским стулом?

В один из дней в студию забрел старичок.

Я даже сначала подумал, что он ищет туалет.

Но старичок достал из портмоне мутную любительскую фотку явно не Елены Прекрасной.

– Во, внучка моя. Можно увеличить, чтобы вставить в рамку?

Лет через сто на аукционе Сотбис за эту мою работу будут просить хорошие деньги. Старичку же она обошлась в сущий пустяк. На эту сумму в «Акварелях» можно взять разве что чашечку кофе, а на пирожок уже не хватит. Однако почин дороже денег, и мы со старичком расстались друзьями.

Теперь фотоохотой я занимался по пути в свою студию. Снимал не исподтишка, а открыто, даже нарочито открыто, а когда спрашивали, когда будут карточки, приглашал в студию.

Я даже научился отпускать неуклюжие комплименты.

– Да вы же Снегурочка, красавица Берендеева царства. Вам не говорили об этом?

Или:

– У вас скандинавский профиль. Вылитый викинг.

А у викинга нос картошкой и трехдневная щетина.

– Приходите в мой офис, – говорил я, – сделаю портрет.

Некоторые приходили.

Появились заказчики, которые просили распечатать снимки, сделанные «мыльницей».

Я, конечно, печатал, но цветокоррекцией не занимался, а на претензии говорил:

– Давайте я сниму вас нормальной камерой. Просто для наглядности.

Это убеждало.

Но самыми лучшими клиентами были те, кто заказывал фотографию на похоронную тумбочку. Такую работу я выполнял с тщательной ретушью, быстро и качественно. Платили за нее хорошо.

Насмотревшись дурацких детективов, я все ждал, когда заявятся бандиты и предложат свою крышу, но для них мой бизнес был слишком незначительным. Милиционеры, простите, господа полицейские, тоже не появлялись и, видимо, по той же причине.

9

«Я понимаю, что вы удивляетесь, судьи. Как? Столько славнейших ораторов и знатнейших мужей остаются сидеть, а поднялся с места всего-навсего я, – я, которого ни по летам, ни по способностям, ни по влиянию нельзя и сравнить с сидящими рядом».

Марк Туллий Цицерон. «Речь в защиту Секста Роция».

За что так осерчала на нас природа? После морозов под тридцать вдруг резкое потепление и плюсовая температура. На тротуарах снежная каша, на дорогах – вода, которую утренники прихватывают тонким ледком – ни пройти ни проехать. Дворники по обыкновению на работу не выходят, теперь ждут, когда это все безобразие окончательно растает.

Ну кто ж в такую погоду пойдет фотографироваться?

В такую погоду пьют чай или водку и сидят у телевизора.

Но я продолжаю с утра до вечера просиживать в студии.

Я уже попался на крючок частного предпринимателя и собственника. Вдруг выгодный заказ, а меня не будет на месте.

Дни между тем на удивление серые. И такие же серые мысли у меня в голове. Какие-то обрывки песенок, полузабытых стишков.

В один из этих дней, как струя свежего морозного воздуха, родилась идея украсить одну из стен студии галереей портретов.

Почему бы и нет?

Любой, кто зайдет сюда, сразу увидит, что у меня есть некоторый опыт портретной съемки. Глядишь, и сам захочет иметь нечто подобное.

Открыть галерею можно портретом Вячеслава Петровича Орфинского – доктора архитектуры, профессора, действительного члена Российской академии архитектуры и строительных наук, уникального специалиста по деревянному зодчеству Русского Севера.

...Это была весна. На улице Титова недалеко от госбанка я увидел Вячеслава Петровича. Он шел мне навстречу и улыбался – людям, солнышку, раннему теплу, своим мыслям.

Камера по обыкновению лежала в кофре.

– Вячеслав Петрович, можно вас буквально на пять секунд?

– Да, пожалуйста.

На этом снимке Орфинский похож на Санта-Клауса. Не на нашего Деда Мороза с расхристанной бородой из ваты, а на лукавого, европейского, артистичного Санта-Клауса.

Вячеслав Петрович в городе человек известный.

Это он, автор многих статей и книг по деревянному зодчеству, поднимал горожан на защиту ансамбля зданий постройки прошлого века, что на перекрестке проспекта Ленина и улицы Энгельса, напротив гостиницы «Северной».

Земля там, в центре города, воистину «золотая», и, конечно, появились охотники всю эту старину к чертовой матери снести, а на освободившемся месте построить современный офис из стекла и бетона или очередной супермаркет. И были митинги, сбор подписей, перепалка в Интернете и прессе. Вопреки мнению Петросвета, ансамбль удалось отстоять, а вот деревянное здание бывшей детской поликлиники, что напротив университета, в защиту которого тоже выступал Орфинский, – не удалось. И его до сих пор по ночам, чтобы лишний раз не раздражать горожан, потихоньку разбирают. Как не удалось отстоять и здание бывшего кинотеатра «Сампо», на месте которого сейчас возводится типовая коробка жилого дома.

С Вячеславом Петровичем мы немного знакомы – на улице при встрече раскланиваемся.

Но были и две памятные встречи.

Одна из них произошла, когда выбирали мэра города.

Как-то поздним вечером в дверь позвонили. Открываю – на лестничной площадке Орфинский.

Он обрадовался – увидел знакомое лицо.

– Вы знаете, нашелся человек, который неравнодушен к застройке города. Так мы создали инициативную группу и теперь собираем подписи в поддержку его кандидатуры, чтобы подать документы в избирательную комиссию. Вы хотите, чтобы у нас был такой мэр?

– Так что же вы сами-то ходите, Вячеслав Петрович? Неужели никого моложе не нашлось?

– В нашей группе работают все – сроки на сбор документов очень сжатые.

Я даже фамилию претендента на пост городского головы спрашивать не стал. Если за него радует Орфинский, значит, человек порядочный. Кстати,

выборы этот беспартийный кандидат-самовыдвиженец проиграл. Не все, значит, в него поверили.

Вторая памятная встреча с Вячеславом Петровичем Орфинским была заочной.

Я путешествовал по Заонежью и забрел в деревню Толстиково. Она находится в глубинке, в стороне от основных дорог, и там даже электричества до сих пор нет.

В деревне всего два дома, оба старые, еще достаточно крепкие. Тот, что побольше, – удивительной красоты, все в нем разумно, целесообразно и гармонично. К стене прибита табличка, удостоверяющая, что дом является памятником деревянного зодчества и охраняется государством.

– Это Орфинский со своими студентами как-то к нам заехал, все обмерили, сфотографировали и сказали, что наш дом срублен по всем канонам плотницкого искусства и поэтому представляет такую же ценность, как храмы Кижского погоста, – объяснила хозяйка. – А Вячеслав Петрович знает что говорит – он в Карелии обследовал все деревянные церкви и часовни. У нас в Заонежье Вячеслав Петрович человек известный. У него и фамилия наша, заонежская. В дошкольные времена был такой старый род священников Орфинских...

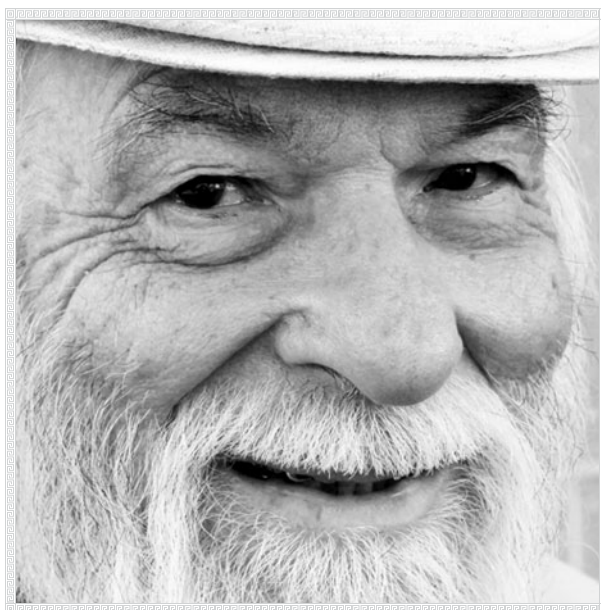
В Петрозаводске Орфинский тоже пользует

ся любовью и уважением.

В 2014 году по инициативе самих петрозаводчан академику РААСН, специалисту в области деревянного зодчества, защитнику архитектуры столицы Карелии Вячеславу Петровичу Орфинскому было присвоено звание «Почетный гражданин города Петрозаводска».

Кстати будет сказать, что живет этот ученый с мировым именем в маленькой скромной квартире, которая хоть и находится в старом доме, но по сути является обычной «хрущобой».

Для меня было бы честью открыть галерею его портретом.

*Фотопортрет В.П. Орфинского.
Работа В. Верхоглядова*

Здесь же в начале экспозиции поместил бы и фотографию Павла Васильевича Сепсякова.

Вообще, к начальникам у меня отношение по-крестьянски настороженное, и в жизни стараюсь держаться от них на расстоянии. Но Сепсяков – особая статья. С ним, несмотря на большую разницу в возрасте, был дружен.

В середине девятнадцатого века наш небольшой по размерам Петрозаводск пребывал как бы в некой дремоте. Те путешественники, которые здесь побывали, писали, что он по недомыслию называется городом, да еще губернским.

Мало изменился город и после революции, и в годы первых пятилеток. Во время Великой Отечественной Петрозаводск сильно пострадал, он частью выгорел, а гостиный двор и некоторые другие уникальные здания взорвали, отступая, наши же части, о чем не было принято ни писать, ни говорить.

Достаточно скромными, хотя по тем временам и значительными были первые годы послевоенного строительства. Появились новый железнодорожный вокзал вместо того, который ныне называется станцией «Петрозаводск-товарный», кинотеатр «Победа», Публичная (сейчас Национальная) библиотека на улице Пушкинской, выросли кирпичные здания по проспектам Ленина и Карла Маркса, но в основном город оставался деревянным, и дымили 280 котельных, и активно функционировали около тридцати канализационных стоков, по которым нечистоты гнали напрямиком в Онего.

В 1969 году председателем исполкома городского Совета депутатов трудящихся был назначен П.В. Сепсяков.

Немного освоившись на новом месте, Павел Васильевич обратился за помощью к архитекторам. Был разработан генеральный план развития Петрозаводска до 2005 года, а за ним и детальный проект планировки центра города.

После этого началось большое строительство.

Сначала появились два микрорайона по Октябрьскому проспекту.

Затем новая Ключевая.

Затем новая Кукковка.

Началась застройка Древлянки.

У Павла Васильевича в багажнике служебной машины всегда лежали резиновые сапоги, потому что он каждый день выезжал на ту или иную строительную площадку.

– Худо-бедно, – говорил он, – но кроме жилых районов мы построили новый стадион, гостиницу «Карелия», кинотеатр «Калевала», речной вокзал, почти двадцать школ, техникумов и училищ, около ста магазинов и предприятий общественного питания. Появились Южная промзона, «Петроза-

водскмаш», радиозавод, ТЭЦ, водозаборные и очистные сооружения...

По сути, мы с вами сегодня живем в городе, который во многом построен при Сепсякове.

В мае девяносто пятого, накануне 70-летнего юбилея, я был у него в гостях.

Спросил:

– Павел Васильевич, вы лучше многих знаете городское хозяйство и видите все нынешние трудности. Допустим, что вас снова избрали мэром. Какова будет программа действий на ближайшие 100 дней?

– Давайте рассуждать вместе. С чего начнем? Начнем с того, что мы из страны трудящихся превратились в страну чиновников. Такого управленческого аппарата, который существует сейчас, ни одна страна не выдержит, не говоря уж об отдельно взятом городе. Так что вначале я бы разобрался со структурой городской администрации, а затем – с многочисленными комитетами, комиссиями, фондами и проч. Где только возможно, произвел бы сокращения. Следующий этап – внимательно проанализировать доходы, и не только городской казны. Я всегда утверждал, что предприятия, коммерческие структуры, банки и учреждения должны заботиться не только о своем развитии, но и о развитии города, в котором находятся. Иначе не они нам, а по большому счету и мы им просто не нужны. Город – это наш общий дом, и когда начнут рушиться стены, то заботиться о нем будет уже поздно. О наиболее узких местах в хозяйстве нужно знать загодя и заранее же принимать необходимые спасательные меры. А кроме того – работать на перспективу, иначе город замрет в своем развитии. Наконец, я бы обратил самое пристальное внимание на налоги, а то перепродавать у нас сегодня выгоднее, чем производить товары. Это, конечно, программа не ста дней, но начало оздоровительному процессу было бы положено.

...Не все, что задумывала городская власть во главе с П.В.Сепсяковым, было претворено в жизнь. Но пройдите по улицам, посмотрите по сторонам и сами убедитесь, что планы того времени в большинстве своем стали реальностью.

Я полностью согласен с Павлом Васильевичем в отношении современных чиновников.

У коммунистической власти было три фундаментальных опоры: марксистская идеология, которая со временем превратилась в догму, мощный репрессивный аппарат, называвшийся правоохранительным, и повсеместная система распределения не только продуктов и товаров, но и вообще всех мыслимых благ. Когда в сакральные идеологические заклинания перестали верить даже вожди, а распределительная система съежи-

лась до малого лоскутка шагреновой кожи, режим не устоял и схлопнулся – народ больше не хотел довольствоваться пустыми обещаниями и строить коммунизм за красной кремлевской стеной.

Рынок не уничтожил распределительную систему, но вскоре сделал ее уже не столь эффективной, как раньше.

И тогда чиновники, имеющие хоть малую власть, нашли новое мощное оружие влияния – теперь они, естественно, на определенных условиях, разрешают бизнесу работать и зарабатывать деньги.

Недавно мне рассказали об одной деловой женщине, назовем ее Татьяна Юрьевна, у которой уникальное и приносящее неплохой доход дело.

Живет она в Питере.

Специалисты-реставраторы договариваются с каким-нибудь учреждением о проведении необходимых восстановительных работ и идут на поклон к Татьяне Юрьевне. За обычный заказ она берет 400 тысяч, за срочный, а это два из трех, уже 800 тысяч. Татьяна Юрьевна едет в Москву и добивается в госструктурах разрешения на реставрацию. Разумеется, она не приносит деньги в конверте – кто же будет так по-детски подставляться? – а вносит требуемую сумму на указанный счет. Реставраторы немного увеличивают свои расценки, чтобы покрыть непроизводственные расходы, а заказчик, нередко добавив еще и свой процент, получает необходимые средства из государственной казны. Система простая и надежная, как трехлинейка Мосина.

В столицу нашей родины город Москву Татьяна Юрьевна ездит каждую неделю, так что бизнес ее процветает.

В Китае крупных взяточников расстреливают. И об этом незамедлительно оповещается население. Но все равно и там берут.

У легких денег есть специфические особенности. Их никогда не бывает много и тем более достаточно. А необременительные способы получения этих как бы дополнительных премиальных действуют на чиновников словно самый сильный из всех известных наркотиков. Причем многие из них даже не испытывают угрызений совести, а рассматривают взятки как бонусы за свою явно недооцененную по заслугам деятельность на благо страны. Так что те показательные порки губернаторов, которые время от времени устраивает президент, как и многочисленные судебные процессы, на сложившуюся ситуацию, на существенный перелом ее кардинально не влияют. С коррупцией, – а взятки являются производной стороной именно этого явления, – необходимо бороться каждодневно и по возможности жестко, потому что она, как показывает жизнь, уже давно оказалась встроенной в систему управления государством.

«Я, право, не согласен с теми, кто утверждает, что вместе с телом погибает и душа и что смертью уничтожается все. Для меня больше значит авторитет древних, вернее, авторитет наших предков, признававших за умершими столь священные права; они, конечно, не поступали бы так, если бы думали, что это не имеет никакого значения для умерших; или авторитет тех, кто жил в нашей стране и своими учениями и наставлениями просветил Великую Грецию, ныне уничтоженную а тогда процветавшую; или же авторитет того, кого оракул Аполлона признал мудрейшим и кто не отстаивал то одно, то другое положение, как он поступал в большинстве вопросов, но всегда утверждал одно и то же: души людей божественны, и для них, когда они покинут тело, открыт обратный путь на небо, тем более беспрепятственный, чем лучше и справедливее был тот или иной человек».

Марк Туллий Цицерон. Диалог «О дружбе».

Вместе с фотографиями Орфинского и Сепсякова я обязательно размещу в галерее портреты своих близких друзей – Ивана Ивановича Чухина и Виктора Леонидовича Дмитриева, благо, фотографировал их много раз.

Эти два человека в городе известны, и снимки будут узнаваемы.

С литератором, историком, политиком Иваном Ивановичем Чухиным мы дружили много лет.

Здесь следует отметить, что я всегда называл его Иван Ивановичем, а не Иваном и тем более Ваней.

Вначале в знак уважения, а потом по привычке.

Иван Иванович иногда обижался:

– А можно без отчества?

– Хорошо, – соглашался я. – Буду звать тебя Другом народа, как публициста французской революции Марата. Вы и внешне похожи.

Насчет последнего я лукавил. Жана-Поля Марата, если судить по картине Давида, пышнощеки, разумеется, не назовешь, но у Иван Ивановича лицо было более худощавое, почти аскетичное.

О своем детстве он не рассказывал.

Воспоминания начинались с армии.

Действительную службу в стройбате, не раз горил:

– Я об этом когда-нибудь напишу роман или повесть. Там порядки были удивительные. Как-то простудился, прихожу к фельдшеру – дай таблетку.

Он достает коробку из-под ботинок, в ней сотни таблеток, без упаковки, просто рассыпью.

– Бери.

– Какую?

– А люблю.

Но первую книжку он написал не об армии, а о милиции, куда пришел по путевке трудового коллектива треста «Оргтехстрой». Она так и называлась «Моя милиция». Иван Ивановичу довелось участвовать в раскрытии тяжких преступлений практически во всех районах республики. За добросовестную работу он неоднократно поощрялся министрами внутренних дел КАССР и СССР, был награжден медалями «За безупречную службу в органах внутренних дел» III, II и I степеней.

Вскоре Иван Иванович увлекся историей строительства Беломорско-Балтийского канала. Изучил ее до мельчайших подробностей.

Петрозаводский историк Александр Михайлович Пашков устроил Чухину встречу с «прорабом перестройки» Юрием Николаевичем Афанасьевым и лекцию в тогдашнем гнезде вольнодумства – государственном историко-архивном институте.

Встретили нас – Пашкова, Чухина и меня – настороженно, если не сказать враждебно – в этом учебном заведении отношение к работникам правоохранительных органов было, мягко говоря, недоверчивое.

В фойе висело объявление «История ББК. Лектор майор милиции И. Чухин». Под текстом была приклеена пустая пачка «Беломора».

– Не страшно? – спросил Пашков.

Иван Иванович только усмехнулся.

– Сейчас устрою им два часа без туалета.

Полтора часа он читал лекцию – без бумажки, даже все цифры приводил по памяти, а потом еще полчаса отвечал на вопросы.

Провожали его овацией.

Вскоре в свет вышла книга И. Чухина «Каналоармейцы», которая почти сразу же стала библиографической редкостью.

В 1995 году он выпустил за свой счет небольшую брошюру, которая называется «Отчет депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Чухина Ивана Ивановича перед избирателями Карельского территориального округа № 16 Республики Карелия», в которой честно рассказал, что смог и успел сделать за два года, представляя наши интересы в высшем законодательном органе власти.

В последней главе отчета – самой короткой – он пишет о своей политической деятельности.

«После 3-летнего пребывания в партии был избран делегатом XXVIII съезда КПСС – 1990 г. Наглядно убедился в невозможности реформирования большевизма и сразу же после съезда вышел из КПСС. Публично, через газету «Ленинская правда»,

объяснил коммунистам мотивы этого решения и предупредил об опасных тенденциях в высшем руководстве КПСС».

Впоследствии он будет членом партии «Демократический выбор России»...

В 1990 году Чухина избрали народным депутатом РСФСР по Ленинскому избирательному округу. Являлся заместителем председателя Комиссии ВС РСФСР по реабилитации жертв политических репрессий. Он один из авторов закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». В этом качестве представлял Россию на международной конференции в Западном Берлине, консультировал ученых и журналистов США, Англии, Японии, Франции. Стал одним из авторов полнометражного документального фильма «Канал имени Сталина».

Мне вспоминается август 91-го.

После неудавшегося путча появился Указ президента «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР».

День недели был – суббота.

Иван Иванович позвонил мне домой. В это время он уже был народным депутатом России.

– Указ президента по радио передали. Слышал?

– Слышал.

– Пошли обком закрывать...

(Правильнее, конечно, было бы сказать «реском», но республиканский комитет партии чаще называли по старинке.)

Около пяти часов мы вдвоем пришли к зданию по Куйбышева, 5, показали милиционеру на вахте свои документы, прогулялись по этажам, они были пустынные, кабинеты закрыты, но из замочных скважин торчали ключи. Стали обзванивать людей. К половине восьмого собралась депутатская комиссия от горсовета и Верховного Совета республики. Пригласили на «акт закрытия» ряд партийных работников. Согласие дал только секретарь горкома И. Шурупов. Вслед за ним подошел прокурор республики В. Богданов, он дозвонился до Москвы и со вздохом определил наши действия как правомочные. Пока подготавливали бланки с подписями всех присутствующих, связались по телефону с Порожками, где находился на даче первый секретарь рескома Н. Кирьянов.

– Без меня не начинайте, – сказал он.

Подождали, пока он подьедет, и уже в присутствии первого партийного лица стали опечатывать кабинеты.

– И это вся процедура, – в сердцах сказал Кирьянов, – смотреть, как наклеивают бумажки. Лучше б я в баню сходил.

К одиннадцати часам кабинеты были опечатаны. Выключили свет, реском был закрыт.

«В 1993 году, – говорится в биографии, – избран депутатом Государственной Думы от Республики Карелия. Член Комитета по безопасности. Принимал участие в разработке законопроектов «О борьбе с коррупцией», «О борьбе с организованной преступностью», «О государственной защите потерпевших, свидетелей» и других. К депутату И. Чухину и его помощникам обратилось с различными вопросами более 2 тысяч граждан и трудовых коллективов. Многим удалось помочь...»

Выборы 1995 года в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации II созыва Иван Чухин проиграл тележурналисту Ларисе Злобиной, которая уехала в Москву и с тех пор там живет.

А Иван Иванович по окончании своей депутатской деятельности стал собкором по Северо-Западному региону еженедельника «Щит и меч», преподавал в Петрозаводском университете, был председателем карельского общества «Мемориал». Он подготовил к изданию рукописи книг «Соловецкий алфавит» – об узниках Соловецкого лагеря особого назначения и «Карелия-37: идеология и практика террора» (последняя вышла посмертно).

13 апреля 1997 года ему исполнилось 49 лет.

А в мае он трагически погиб в автокатастрофе.

Когда хоронили Ивана Чухина, на всем пути следования траурного кортежа было перекрыто движение, постовые милиционеры брали под козырек.

Из Москвы пришла телеграмма-молния:

«Склоняем голову перед светлой памятью Ивана Ивановича Чухина – обаятельного, доброго, мужественного человека, полностью разделявшего наши взгляды и веру в демократическую, с достойной жизнью своих граждан, Россию. Скорбим вместе с вами. Е. Гайдар, В. Зеленин, В. Татарчук, С. Юшенков».

11

«Этому началу соответствовало и все дальнейшее».

Марк Туллий Цицерон.

Первая филиппика против Марка Антония.

История петрозаводских мореходов-путешественников началась в то время, когда Виктор Дмитриев вместе с тремя друзьями в складчину приобрел списанный малый рыболовный бот (МРБ) с двадцатисильным мотором, переделанный прежним хозяином в плавучую дачу. Судно получило звучное имя «Арго», и на нем наши аргонавты смело бороздили просторы Онежского озера. Правда, ходить старались недалеко, потому что из-за высокой надстройки кубрика бот сильно парусил, плохо слу-

шался руля, но охотно ложился на борт, создавая критические углы и всем своим поведением показывая, что вот-вот может перевернуться.

Судьба «Арго» сложилась трагически – во время сильного шторма судно сорвало со швартовых канатов, подняло высокой волной и насадило на бревна причала, как бабочку на булавку. Ремонт оно не подлежало, и Виктор Дмитриев, теперь уже самостоятельно, купил у соседа по гавани достаточно крепкий (хотя тоже из списанных) малый рыболовный бот, называвшийся «Золотая лань».

Имя это знатокам флотских хроник хорошо известно. «Золотой ланью» назывался двадцатидвухпушечный галеон знаменитого пирата Фрэнсиса Дрейка, на котором он первым из англичан совершил кругосветное плавание.

Дмитриев морским разбоем заниматься не собирался, он хотел посвятить себя путешествиям, и судно получило новое имя – «Полярный Одиссей».

В 1978 году 32-летний инженер Виктор Дмитриев с экипажем, в который вошли его жена Нина, четырехлетний сын Алеша и три школьника, совершили поход по озерно-речной системе до Ленинграда и обратно.

В это же время его брат Валерий тоже приобрел рыболовный бот, капитально его отремонтировал, и в навигацию 1979 года братья на двух судах – «Икар» и «Полярный Одиссей» впервые выбрались на морской простор и достигли Соловецких островов.

В 1980 году «Полярный Одиссей», переоборудованный в двухмачтовую шхуну, совершил экспериментальное плавание по Волго-Балтийскому водному пути до Вологды, далее – по Северной Двине в Архангельск, откуда последовал к Соловецким островам и через Беломорско-Балтийский канал и Онего вернулся в Петрозаводск.

1981 год отмечен первой большой экспедицией.

По следам известного полярного исследователя Эдуарда Толля и его шхуны «Заря» Виктор Дмитриев и его команда достигли порта Амдерма, что в Карском море. Это плавание получило поддержку Географического общества СССР, а также Института Арктики и Антарктики.

Хроника экспедиций последующих десяти лет.

1982–1983 годы. Походы по Белому и Баренцеву морям для изучения народного судостроения. Именно тогда зародилась идея о реконструкции старинного судна поморских мореходов – коча.

1984 год. Поход «Полярного Одиссея» по Белому морю. Знакомство с мастерами из Кандалакши, Варзуги, Керети и Беломорска, умеющими шить традиционные поморские лодки. После этого бот был продан в Казань и сменил свое

имя. А Виктор Дмитриев приобрел более подходящий для экспедиций стальной корпус рыболовного судна длиной 27 метров.

1985 год. Испытание нового судна со старым именем «Полярный Одиссей» по маршруту Петрозаводск – Архангельск и обратно с заходом на Соловецкие острова.

1986 год. Клуб путешественников и исследователей «Полярный Одиссей» официально утвержден как Северный филиал Географического общества СССР. На стальном судне совершена «Беломорская кругосветка» с заходом в Кемь, Соловки, Архангельск, Кандалаксу, поморские села Терского берега. В экспедиции приняли участие экологи, краеведы, журналисты и специалисты-ученые из разных городов страны.

1987 год. По чертежам Виктора Дмитриева воссоздан поморский коч «Помор». На нем под веслами и парусом был пройден маршрут: Петрозаводск – Беломорско-Балтийский канал – Соловецкие острова – Архангельск – Канин Нос.

Этот полуостров поморы издревле пересекали волоком в самом узком его месте. Но в наши дни данный путь для коча оказался невозможным, а сильные северные ветры не позволяли обогнуть Канин Нос с моря. У многих членов команды заканчивались отпуска, и экспедицию пришлось прервать. Виктор Дмитриев со своим помощником Сергеем Железовым дошли под парусом до Мезени, откуда на буксире попутных судов добились до Петрозаводска.

1988 год. Еще одно экспериментальное плавание коча «Помор» по Белому морю. После двух неудачных попыток обогнуть Канин Нос и выйти в Баренцево море попали в жестокий шторм, во время которого сорвало перо руля. Но в целом новодел показал неплохие мореходные качества.

1989 год. Обобщив опыт двух предыдущих навигаций, к новому походу был тщательно подобран экипаж и построено судно сопровождения. Коч «Помор» и парусно-моторная лодья «Груммант»

прошли традиционным для русских мореходов маршрутом от Архангельска до архипелага Шпицберген. Это было первое заграничное плавание современных поморов. Экспедиционеры посетили как норвежское, так и советское поселения, после чего благополучно вернулись в Мурманск. Там произошла частичная смена экипажей, и новоделы исторических судов вернулись в Петрозаводск.

1990 год отмечен сразу несколькими крупными акциями.

На трех новоделах древнерусских лодей «Вера», «Надежда», «Любовь» был осуществлен первый этап миссии «Золотой век». На этих парусно-гребных судах более ста путешественников, начав свой путь из

Петрозаводска, спустились вниз по Волге и Дону, прошли Азовское и Черное моря, через Босфор и Дарданеллы вышли в Средиземное море. Они посетили основные православные святыни – гору Афон и остров Патмос, Миры Ликийские и Метеоры. Закончилась экспедиция, названная «Паломничество», в египетской Александрии, откуда был совершен бросок на святую гору Синай, где были провозглашены десять божественных заповедей.

Не лишним будет отметить, что духовным наставником этой миссии был посланник Патриарха Всея Руси Алексия Второго архимандрит Августин, которого

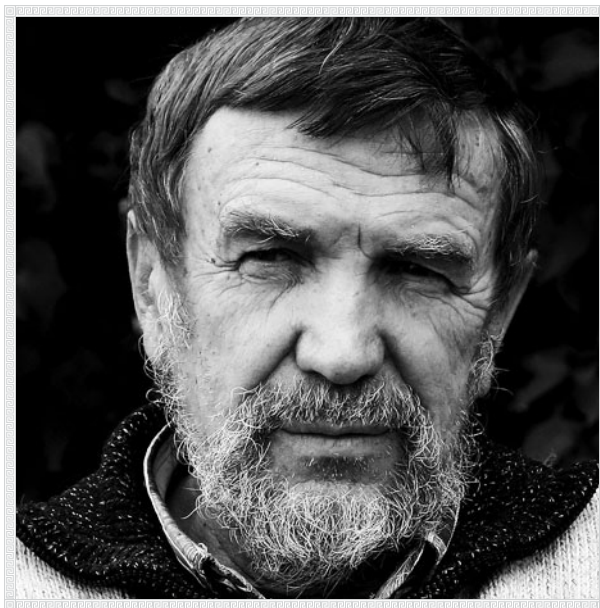
все путешественники называли просто батюшкой.

В то же время коч «Помор» и лодья «Груммант» прошли в экспедиции «Скандинавское кольцо» по местам традиционных российско-норвежских ярмарок.

Акция «Путями коробейников» напомнила всем о российско-финских торговых связях.

В 1991 году прошел второй этап миссии «Золотой век», получивший название «Мир католический». Лодьи «Вера», «Надежда», «Любовь» посетили святыни для христиан центры Средиземноморья, а сами паломники были приняты понтификом Иоанном Павлом Вторым в Ватикане.

Построенная за зиму поморская лодья «Святитель

*Фотопортрет Виктора Дмитриева.
Работа В. Верхоглядова*

Николай» с капитаном Александром Скворцовым обогнула Скандинавский полуостров и приняла участие в международном фестивале деревянных судов.

Коч «Помор» был переброшен на Чукотку. Под командованием Юрия Наумова он по программе «Колумбы российские» достиг берегов Аляски и остался там на зимовку.

Не рассказав и трети из деяний Дмитриева, я уже сбился на бухгалтерское перечисление судов и походов.

Сказать об этом нужно, однако при этом необходимо подчеркнуть, что Дмитриеву всегда удается осуществить задуманное.

Он человек, который постоянно рождает что-то новенькое. Генератор идей.

Но главное в жизни Дмитриева – это все-таки строительство деревянных судов и организация дальних походов.

В душе почти каждого мужчины всегда можно обнаружить страсть к перемене мест, чаще всего замешенной на авантюризме.

*...О, что бы я только не отдал взамен
За то, чтобы даль донесла
И стон Персефоны, и пенье сирен,
И звон боевого весла!*

В собродяжники к Дмитриеву просились многие. Он предупреждал: в команду будут зачислены лишь те, кто примет активное участие в организации похода. А поскольку сама подготовка начиналась еще зимой, то к лету обычно оставались только самые стойкие.

Мечтать о путешествии и путешествовать – суть понятия разные, об этом известно всем, однако во внимание обычно не принимается.

А когда вокруг море – вода и ничего кроме воды, да еще и качает, а МРБ знай гребет себе потихоньку и уже непонятно куда, и холодно, холодно и ветрено, а пища суровая, а удобств, пофлотски – гальюна, нет вообще, и все приходится делать в ведро на виду у свободных от вахты...

В общем, от этого быстро устают.

И тогда команда бунтует. Ей уже не хочется к дальним берегам, к тому же давно открытым.

*Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так, что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет...*

Все просто и красиво у Николая Гумилева, но нет у нашего капитана ни пистолета, ни брабантских манжет, а возникает необходимость

прекратить поход и вернуть судно домой.

Первый раз у Дмитриева команда взбунтовалась еще на МРБ «Полярный Одиссей».

...Поздним вечером у меня зазвонил телефон.

Было полное ощущение, что звонят вообще из другой галактики. Сквозь мелодичное поскрипывание небесных сфер с трудом пробивался тоненький голос.

– Ало-ало. Ты меня слышишь? У меня команда со скандалом сошла на берег. Остались вдвоем с Вовкой Скопинцевым. А вдвоем ББК не пройти. Ты сможешь приехать? Выручай, друг!

– Слышу-слышу. Ты где сейчас?

– В Умбе.

Я представил карту Белого моря, вспомнил, где находится Умба.

– Понятно. Как на море? Не штормит?

– Нет. Море спокойно.

– Тогда так: до Умбы долго добираться – устанешь меня ждать, иди в Кемь. Встань у причала Рабочего острова. Там и встретимся.

Не знаю, как «Одиссей», а я до Кеми добрался без приключений – сел на поезд и прикатил.

МРБ терся на швартовых у стенки лесозавода. Вид у него был непритязательный – на бортах и надстройках краска потускнела, местами стала шелушиться, а в рейс он уходил нарядный, праздничный.

Я постучал в дверь рубки.

– Эй, на барже! Гостей ждете?

Из кубрика вылез всклокоченный Скопинцев.

– Привет. Водки хочешь?

– С утра не хочу. Где капитан?

– Спит. Мы всю ночь шли.

– Иди и ты поспи. Я сам себе чай приготовлю.

После обеда состоялся «большой совет в Филях».

– Как-то не хочется домой возвращаться, – сказал капитан. – Может, на Кузова сбегать? Не против? – спрашивает меня.

– Не против. Сейды снимаю.

Снялись со швартовых и пошли.

В гавани возле одного из островов встретили яхту. Оказалось, что это ребята из бывшего экипажа катера «Замора», о котором как-то рассказал журнал «Вокруг света». И был вечер воспоминаний, и песни под гитару. Туристы ходят по суше, морские бродяги – по воде, а песни они поют одни и те же.

Через день мы взяли курс на Беломорск, где выгодно обменяли у рыбаков часть нашей водки на рыбу и, весьма довольные состоявшейся сделкой, вошли в ББК. Втроем проходить шлюзы просто: один человек фиксирует носовой швартов, другой – кормовой, а третий в рубке рулит и дистанционно управляет двигателем.

Именно во время этого перехода я убедился, что Дмитриев в морском деле стал истинным докой.

Ночь, идем большим озером – их несколько на трассе канала, ребята спят, я за большим штурвалом на корме, с одного борта цепочка белых бакенов, с другого – красных, и этот световой коридор уходит далеко в темноту.

Вдруг один из красных бакенов медленно поплыл в сторону, я бросился в рубку, сбросил обороты двигателя.

Слышу из кубрика сонный голос капитана:

– Что случилось?

– Красный бакен куда-то поплыл.

– Это буксир, – сказал капитан и снова сонно засопел.

Я дал полный ход, встал за руль и вскоре убедился, что за красный бакен принял бортовой огонь судна.

Мы благополучно прошли канал, а на Повенецкой лестнице шлюзов даже оказали помощь московским туристам, сдернув их яхту, севшую на мель, так, запросто, по ходу, и они еще долго кричали нам вслед слова благодарности.

Когда миновали Ивановские острова и открылась панорама Петрозаводска, Скопинцев сказал:

– Вот и все – «Полярный» прибыл по расписанию.

– Если бы, – проворчал капитан. – Почти на две недели раньше срока.

– Зато с рыбой, – добавил неунывающий Скопинцев.

Недавно я вспомнил этот поход.

Шел домой по Первомайскому проспекту. Накануне был сильный снегопад, а утром наступила оттепель. Идти по снежной каше было ужасно неудобно, дворники же по своему обыкновению отдыхали. На мосту через Неглинку поскользнулся и с трудом удержался на ногах. Стою, держусь за перила, переживаю чуть было не случившееся несчастье – мне падать нельзя, ведь в кофре дорогая камера.

Мимо проходит женщина и в голос на всю улицу:

– На что смотрит Путин?! Это же безобразие! Позвал бы фашистов – они быстро наведут порядок!

При чем здесь Путин? Он что, дворниками командует? А местную власть мы сами выбрали. Это с нее нужен спрос.

Но у нас всегда и во всем виноват начальник.

Вот и Дмитриев в том походе стал крайним.

А его единственная промашка состояла только в том, что взял в экспедицию женщину – обеды варить – а при тех бытовых условиях этот шаг был, мягко сказать, весьма опрометчивым.

Как бы то ни было, но каждый год суда Виктора Дмитриева бороздили моря, озера и реки.

Возникает закономерный вопрос – кто в финансовом плане помогал ему в организации походов и всевозможных акций?

При социализме это были обком комсомола и различные общественные организации. Наступил капитализм, и такая помощь, естественно, закончилась.

– При капитализме мы, как истинные паломники, стали жить подаяниями, – рассказывает Дмитриев. – Придем в какой-нибудь порт – тотчас бочонок-копилку на причал. И люди охотно помогают «русским витязям» – так нас называли. Еду корзинками приносили. Это только у нас даже народные депутаты стремятся к личному обогащению. А за границей путешественнику пропасть с голоду не дадут. У них и проворовавшихся губернаторов не просто освобождают от занимаемой должности, а сажают в тюрьму.

Набравшись в экспедициях опыта, Дмитриев создал в Петрозаводске Морской центр, а при нем музей «Полярный Одиссей». Именно здесь каждый год проходят большие фестивали и строятся новые суда.

Звонит мне:

– Я тут шхуну на воду спустил, «Гонец» называется. Не хочешь прокатиться до Кижей? В команде только общие друзья.

«Гонец» поражал чистотой своих обводов и чудо как слушался руля. Он и под парусом был стремителен, словно чайный клипер. Имелись отдельная каюта капитана, специально оборудованный камбуз и даже маленький аккуратный галюн по левому борту.

В Кихах нас встретили поморская лодья «Святитель Николай», которой командовал Алексей, сын Виктора, и бригантина «Полярный Одиссей» – предыдущее детище уже не капитана, но адмирала деревянного флота Виктора Дмитриева.

Телевизионщики, как увидели всю эту красоту, тотчас стали упрашивать пройти в едином орде по рейду. Отснятый ими материал потом показали и по местному, и по российскому телевидению. Впрочем, для Дмитриева это не новость, о нем и его походах снято несколько фильмов, написаны сотни статей и очерков.

На днях звоню ему.

– Как дела?

– Нормально. Строим казацкий струг и заложили дубель-шлюп.

(Необходимое пояснение: дубель-шлюп или дубель-шлюпка – это небольшое парусно-гребное военное судно в русском флоте XVIII века, которое предназначалось для действий на реках,

лиманах, а на морях – вблизи побережья. По сути – эти суда предшественники канонерских лодок и выполняли те же функции.)

А еще Дмитриев сказал, что у него появились идеи по развитию в республике водного туризма.

– Заходи, – говорит, – расскажу.

Я иногда думаю, что самое большое несчастье России – это наши просторы и наше богатство. У нас все есть и всего много.

В Норвегии или, к примеру, в Финляндии Виктор Дмитриев уже давно был бы национальным героем, а на родине он энтузиаст-одиночка, одним словом, чудак.

12

«Наши нравы и порядки, наши домашние и семейные дела – все это налажено у нас, конечно, и лучше и пристойнее; законы и уставы, которыми наши предки устроили государство, тоже заведомо лучше; а что уж говорить о военном деле, в котором римляне всегда были сильны отвагой, но еще сильнее умением. Поистине, во всем, что дается людям от природы, а не от науки, с нами не идут в сравнение ни греки и никакой другой народ: была ли в ком такая величавость, такая твердость, высококость духа, благородство, честь, такая доблесть во всем, какая была у наших предков? Однако же в учености и словесности всякого рода Греция всегда нас превосходила, – да и трудно ли здесь одолеть тех, кто не сопротивлялся?»

Марк Туллий Цицерон. «Тускуланские беседы», книга I.

Из моего окна видна аллея, которая тянется до конца квартала. Посажена она в середине прошлого века. В одном из семейных альбомов я видел фотографию, на которой деревца еще в рост человека. Сейчас они уже выше четырехэтажного дома. Растут здесь липы, лиственницы и тополя. Кстати, как правильно: тополя или тополи? У Пушкина – тополя, у Калинникова – тополи, а у Лермонтова тополь вообще женского рода: «За тополью высокою я вижу там окно». Пусть будут тополя: Пушкин – это наше все.

Летом по аллее любят прогуливаться со своими питомцами окрестные собачники, поэтому вся земля там, как в детской песочнице, густо изгажена. К зиме деревья сбрасывают листву, а лиственница – хвою, тропинки никто не убирает, аллею заносит снегом, и она стоит голая и неприступная.

Из моего окна она всегда живописна – и зимой, и летом. Полоса живой природы в скучном урбанистическом пейзаже.

И вот эту-то аллею местная власть решила снести и проложить там трубу теплотрассы. Жители близлежащих домов возмутились и стали писать во все

инстанции письма-протесты. Разгорелась жаркая полемика в Интернете. На какое-то время аллею оставили в покое. Но недавно вокруг каждого дерева стали сколачивать ящики, так в Александровском саду укрывают на зиму скульптуры. Жителям объяснили – это делается для того, чтобы не повредить деревья, а труба будет проложена между ними.

Вероятно, работники мэрии нас за недоумков держат. Ведь по аллее после этого пройти будет совершенно невозможно.

Футляры вокруг стволов больше всего похожи на гробы.

Что особенно удивляет: горожане возмущаются, а газеты пишут о чем угодно, но только не о действиях местной власти. Это и есть реальное завоевание российского капитализма на современном этапе.

Я беру камеру и отправляюсь снимать это строительство. Не для окон РОСТА – их сейчас нет, не для газет – их такие снимки не заинтересуют. Это фотографии для истории.

Домой я уже не возвращаюсь, иду в свою студию.

По дороге думаю, чьи еще портреты могут украсить галерею.

Где-то в архиве у меня есть эмоциональный снимок нашего замечательного писателя, бывшего редактора журнала «Север» Дмитрия Яковлевича Гусарова. Как-то мы с ним были на рыбалке, и я заснял Дмитрия Яковлевича в тот момент, когда его блесну схватила щука, ну, не щука – щучка, на полтора кило, не больше, а щуки – они начинаются с десяти килограммов. Но Гусаров был счастлив. Ах, с каким азартом и упоением крутил он катушку спиннинга!

Хороший получился кадр.

Может, мне украсить галерею несколькими пейзажами?

Ледостав на реке Суне, лодки в чаше Рускеальского карьера, весеннее буйство воды на доскате Юханкоски, который по своей высоте трижды превосходит знаменитый Кивач...

Нет, эти снимки будут лишь отвлекать внимание посетителей, поберегу их для возможных экспозиций.

А рядом с фото Гусарова я помещу портрет Бориса Николаевича Поморцева. Заслуженный художник России, академик, лауреат многочисленных выставок, прекрасный рассказчик и просто хороший человек. Я дружу с ним много лет. Найти Поморцева для съемки будет легко: в будни и праздники он всегда в мастерской – вечный труженик.

В этом же ряду будет неплохо смотреться и портрет скульптора Эдуарда Сергеевича Григоряна. Я сфотографировал его во время открытия мемориальной доски патриарху карельской журналистики Федору Алексеевичу Трофимову. Лицо Григоряна

по-восточному непроницаемо, но в глазах легкое беспокойство – интересно же, как примут его новую работу собравшиеся представители прессы?

Григорян известен в городе как монументалист, но самая интересная, на мой взгляд, его работа до сих пор еще не воплощена в металле – на нее нет заказчика. Это скульптура рабочих-литейщиков, тех самых мастеровых, которые в петровские времена отливали знаменитые олонечские орудия.

– Ты изготовь модель этой скульптуры, небольшую, не более метра в высоту, – говорю Григоряну, – мы ее искусственно состарим и закопаем пониже гостиницы «Карелия», где когда-то располагались цеха и мастерские Петровского завода. Потом наведем на это место археологов. Они модель обнаружат и растреляют по всему свету об удивительной находке. Вот тогда, возможно, тебя попросят сделать копию памятника, но уже в обычной для городских скульптур величине. Установят его на площади Литейщиков. А то название для площадки перед бывшим Онежским тракторным заводом придумали, а стоит там на постаменте списанный трелевочник.

– Не, – говорит Григорян, – для такого памятника ни в городской, ни в республиканской казне денег не найдется. Рабочие нынче не в чести...

Это правда.

Недавно я смотрел по ночному каналу интервью Владимира Познера с заместителем председателя Правительства Российской Федерации, доктором философских наук Дмитрием Олеговичем Рогозиным, который курирует авиационно-космическую отрасль, судостроение, морскую деятельность и оборонно-промышленный комплекс.

– Почему вы, Дмитрий Олегович, не любите нас, телевизионщиков? – спрашивает Познер.

– Любовь или нелюбовь здесь ни при чем, – отвечает Рогозин. – Мне в принципе не нравится деятельность телевидения. Становой хребет страны не индустрия развлечений, а просто индустрия. Но что-то не показывают на телеэкранах очерков о рабочих, а вся современная производственная тематика сводится к скандалам и криминалу. Конечно, есть в жизни и это, но, насколько я понимаю, не это главное.

Я полностью согласен с Рогозиным.

На западном телевидении тоже нет материалов о рабочем классе, но там популярны так называемые рассказы о жизни простых людей, которые неплохо бы позаимствовать и нашим телемастерам, как позаимствовали они «Поле чудес», «Голос» и некоторые другие любимые зрителями передачи.

Просто портретов рабочих на производстве в моей галерее, конечно, не будет, у меня же студия, а не Доска почета эпохи развитого социализма.

Нет, здесь я вернусь к истокам.

Мне очень нравятся дореволюционные семейные снимки.

Женщина, хозяйка дома и верная супруга, сидит на стуле. На руках у нее грудной ребенок. Остальные дети стоят справа и слева от матери. Мужчина, глава семьи, тоже стоит. Одной рукой он держится за спинку стула. На женщине платье с оборками, на мужчине – парадный пиджак и однотонная рубашка, чаще всего косоворотка. Это семья рабочего.

Если детей не более двух, на женщине строгое черное платье, а мужчина в сюртуке – это семья чиновника.

Военные с женами почти не фотографировались, а купцы часто приглашали на съемку своих ближайших родственников.

Есть нечто общее, объединяющее эти дошедшие до нашего времени снимки: у всех людей спокойные лица, а в глазах – самоуважение и достоинство.

Даже обычные крестьяне смотрят в объектив как царские сановники.

Такой взгляд запечатлен на снимке академика Сахарова работы Юрия Роста.

В обычной повседневной нашей жизни такие выражения лиц и такие взгляды встречаются редко.

Вот подобные групповые портреты я и буду делать, а самые удачные из них непременно попадут в галерею.

Реклама – дело тонкое.

Недавно попался на глаза очередной шедевр современного маркетинга.

На плакате была изображена симпатичная девушка в платье с подолом выше колена, чтобы привлекать внимание стройными ножками, но в очках, что, вероятно, должно было намекать на ее интеллектuality. Здесь же был помещен текст: «С нашими бухгалтерами вы можете спать спокойно».

И непонятно, что рекламируется – то ли двойной гамбургский счет, то ли противозачаточные пилюли.

Это я к тому, что работ в стиле ню, фотографии называют их актами, в моей галерее не будет, хотя одно время увлекался подобной съемкой, и выбор имеется, не чрезмерный, но достаточный.

Как не будет и портретов нынешних руководителей местного разлива. Лавровые венки были придуманы для того, чтобы прикрывать лысину, а я, простите, занимаюсь реальной фотографией.

Кстати, сегодня день рождения Михаила Сергеевича Горбачева, первого и единственного президента Советского Союза. Восемьдесят пять лет стукнуло, а все такой же говорун. Необыкновенной харизмы человек. Я как-то прочитал его речь, которая занимала полный газетный разворот, и был потрясен – она была ни о чем, просто набор фраз.

Но когда Михаил Сергеевич произносил то же самое с трибуны, то люди попадали под его обаяние и этого пустозвонства никто не замечал.

Коммунисты Горбача ненавидят и называют не иначе как предателем.

Но в таком случае они отъявленные лгуны. Власть взяли только потому, что пообещали мир – народам, землю – крестьянам, фабрики – рабочим, но не выполнили ни того, ни другого, ни третьего. А потом еще семьдесят лет с настойчивостью шаманов талдычили о вечно живом учении марксизма-ленинизма, классовой борьбе и всем том, что никак не влияло на реальную жизнь. Они и в репрессиях тридцать седьмого года до сей поры не раскаялись и даже пытаются их оправдать.

Несомненная заслуга Горбачева состоит в том, что он всех заговорил и без кровопролития отрезил коммунистов от власти, а то по сию пору толкались бы в очередях за женскими сапогами и учили политэкономии социализма.

По справедливости Горбачеву нужно памятник поставить, но его недолюбливают и в народе, потому что все плохое, все лишения, которые были раньше, давно забылись, однако помнится, что не было такого вопиющего разрыва между людьми обеспеченными и обычными трудягами, квартиры выдавались бесплатно, коммунальные услуги стоили копейки, а управляющих компаний вообще не было.

Интересно, поздравит ли Горбачева с юбилеем нынешний президент...

Я иду в студию.

Я думаю о том, что уже две недели не было писем

от моего друга Вадика. Не заболел ли он?

Я думаю о галерее, которая должна стать визитной карточкой моей творческой деятельности.

Я думаю о приговоренной аллее под окном.

О родном городе, который опять по-деревенски занесло снегом.

О моей стране, на территории которой уместились бы тридцать одна Франция, сорок семь Германий, семьдесят Великобританий, а о гордом, независимом и нарядном, как бант первоклассницы, Люксембурге, площадь которого всего две с половиной тысячи квадратных километров, и говорить не приходится, даже в пределах маленькой Карелии, не толкаясь, разместилось бы более шестидесяти Люксембургов.

Я думаю о непомерной власти нынешних чиновников, ведь, как ни крути, сами они ничего не производят, а руководят (или пытаются руководить?) далеко не так хорошо, как всем хотелось бы.

И спроса с них должного нет.

И как долго это еще будет продолжаться?

Кто знает?

Говорят, история развивается по спирали.

А что такое спираль?

Это ряд сопряженных кругов на разных уровнях.

Так неужели опять всплывет из прошлого проклятье русской истории и судьбы?

И будущий летописец в неизбывной печали снова напишет: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и володеть нами».

Валерий Николаевич ВЕРХОГЛЯДОВ

родился в 1946 году в городе Пудожье.

Окончил историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работал в редакциях газет «Комсомолец», «Ленинская правда»,

«Петрозаводск», «Карелия», «Город».

Заслуженный журналист Республики Карелия.

Автор многочисленных очерков

и ряда книг по истории Петрозаводска.

Член Союза писателей России с 2000 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

